

ББК 67.408.122
Щ702

Щетинина Н. В.

Щ702 Уголовно-правовые аспекты противодействия незаконному получению кредита и злостному уклонению от погашения кредиторской задолженности: монография / Н. В. Щетинина. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2010. – 97 с.

ISBN 978-5-88437-227-6

Da'āī cāi òu: **С. Н. Сабанин**, заместитель начальника Уральского юридического института МВД России по научной работе, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;
С. З. Шамарин, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Уральского финансово-юридического института, кандидат юридических наук, доцент

В монографии рассматриваются особенности объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 176, 177 Уголовного кодекса Российской Федерации, вопросы квалификации данных преступлений, формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Издание предназначено для курсантов, слушателей и студентов юридических вузов, преподавателей, адъюнктов и соискателей, а также работников правоприменительных органов.

Обсуждена на заседании кафедры уголовного права УрЮИ МВД России (протокол № 11 от 6 июля 2009 г.).

Издается по решению редакционно-издательского совета УрЮИ МВД России.

ISBN 978-5-88437-227-6

ББК 67.408.122

© Н. В. Щетинина, 2010
© Уральский юридический институт
МВД России, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Социальная обусловленность уголовной ответственности за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности	5
§ 1. Ретроспективный анализ отечественного законодательства об уголовной ответственности за незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности и смежные с ними виды преступлений	5
§ 2. Уголовное законодательство некоторых зарубежных стран об ответственности за деяния, связанные с незаконным получением кредита и злостным уклонением от погашения кредиторской задолженности	25
ГЛАВА 2. Уголовно-правовой анализ незаконного получения кредита и злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности	39
§ 1. Особенности объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 176 УК РФ	39
§ 2. Особенности объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ	69
§ 3. Квалификация незаконного получения кредита и злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности по совокупности с другими преступлениями, их отличие от смежных составов	81
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	88

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях хозяйствования финансовый сектор, в том числе такая его составляющая, как кредитные институты, является важнейшим инфраструктурным элементом, способствующим укреплению и всестороннему развитию рыночной экономики. Макроэкономическая стабилизация в стране, укрепление банковской системы, постепенное снижение процентных ставок, усиление инвестиционной активности предприятий способствует расширению масштабов деятельности кредитной сферы и увеличению объемов кредитования. Вместе с тем кредитование, приносящее банкам и иным кредиторам доходы, повышает риск такой деятельности. К преобладающим формам злоупотреблений в данной сфере относятся введение кредитора в заблуждение относительно действительных возможностей заемщика погасить задолженность, а также уклонение от погашения задолженности при наличии возможности ее погасить.

Согласно сведениям о состоянии преступности в РФ, незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности не относятся к числу распространенных деяний. Однако следует отметить, что согласно экспертным оценкам уровень латентности преступных проявлений рассматриваемых видов достигает 72 %.

Анализ правоприменительной деятельности свидетельствуют о недостаточной эффективности норм, предусматривающих ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. Подобная ситуация обусловлена, прежде всего:

- наличием законодательных пробелов и отсутствием официального толкования бланкетных и оценочных признаков составов преступлений, предусматривающих ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности;
- отсутствием в научной литературе единообразного толкования признаков анализируемых уголовно-правовых норм;
- наличием неоднозначно разрешаемых на практике и в теории вопросов квалификации преступлений, предусмотренных ст. 176 и 177 УК РФ.

Данная ситуация имеет место, несмотря на изменения ст. 176 и 177 УК РФ, внесенные Федеральными законами от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ и от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ.

Научной целью настоящего исследования является теоретическая разработка вопросов противодействия незаконному получению кредита и злостному уклонению от погашения кредиторской задолженности. В качестве прикладной цели выступает разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, и рекомендаций по его применению.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПОЛУЧЕНИЕ КРЕДИТА И ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

§ 1. Ретроспективный анализ отечественного законодательства об уголовной ответственности за незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности и смежные с ними виды преступлений

Проведение исторического исследования имеет большое значение, поскольку оно дает представление о системе юридических норм, регулирующих правоотношения в сфере кредитования российского государства на отдельных этапах его развития, и, насколько это возможно, позволяет оценить недостатки и имеющиеся пробелы в правотворческой и правоприменительной практике современной России.

В Древнерусском государстве важнейшим законодательным документом являлась «Русская правда» (X–XII вв. н. э.). Нормы «Русской правды» отражали потребности развивающегося феодального государства в установлении правопорядка, отвечающего интересам этого государства¹. Основным источником «Русской правды» являлось обычное право. Вместе с тем, она обобщала отдельные законы, принимавшиеся князьями, т. е. означала определенную систематизацию права. «Русская правда» дошла до нас в 106 списках трех редакций – краткой, пространной, сокращенной, отражающих различный уровень в становлении и развитии древнерусского феодального права.

В ст. 15 «Русской правды» (краткая редакция) предусматривалась ответственность должника перед кредитором за несвоевременное возвращение займа. В ней было указано: «Если где будет иск кому-либо об уплате займа, то идти ему на судебное разбирательство при 12 свидетелях. И если окажется, что должник злонамеренно не отдавал ему деньги, как следовало по условию, то с него взыскивалось 3 гривны штрафа»².

В этой статье речь шла о специальном виде неуплаты долга, который назывался словом «обида». Должник, уклоняющийся от исполнения обязательств, во-первых, нарушал интересы кредиторов, а во-вторых, своими действиями нарушал установленный государством правовой порядок. По мнению Н. Н. Максименко, указанные деяния можно считать уголовной неправдой, поэтому и было предусмотрено наказание³.

¹ См.: Памятники Русского Права / под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 75.

² *Титов Ю. П.* Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2000. С. 5.

³ См.: *Максименко Н. Н.* Мнимые архаизмы уголовного права «Русской правды». СПб., 1905. С. 28–39.

Наибольшее распространение на Руси получила пространная редакция «Русской правды», освещающая, в том числе, нормы, касающиеся долговых обязательств. Так, в статье 47 указывалось, что «если займодавец потребует уплаты долга, а должник начнет отпираться, то займодавец обязан представить свидетелей, которые пойдут к присяге, и тогда он получит свои деньги. Если должник не отдавал ему много лет, то платить ему еще 3 гривны в вознаграждение за убытки»¹. Таким образом, спор между кредитором и должником решался с помощью свидетелей заключения договора, которых в литературе принято называть послухами. Длительное невозвращение долга рассматривалось как преступление. Следует указать, что закон не только защищал интересы ростовщика, но и поощрял длительные займы, приводящие нередко к невозможности уплаты должником взятой суммы.

В ст. 48, 50, 51, 52 «Русской правды» также регламентировались отношения, возникающие между кредитором и должником по поводу займа².

Представляет интерес ст. 54 «Русской правды», которая говорит об особом юридическом положении купца, его правах на получение и возврат кредита, которые не распространялись на обычных горожан. Банкротство, утрата купцом взятых в долг денег (и, надо полагать, купленных на них товаров) не влечет за собой уголовной ответственности. Должнику предоставляется возможность восполнить утраченное и в разумные сроки, в том числе в рассрочку, выплатить долг. Эта льгота не распространялась на купца, утратившего капитал в результате пьянства и иных предосудительных действий. Судьба такого купца зависела от кредиторов, которые могли потребовать возмещения ущерба либо в рассрочку, либо путем продажи имущества и самого купца в холопы. Задолжавший многим купец, гласила ст. 55 «Русской Правды», взявший для продажи товар у не знающего его положения приезжего купца и не могущий расплатиться с ним, подлежал той же ответственности, которая была предусмотрена в предыдущей статье, т. е. продаже в холопы. Очередность возмещения долгов зависела от положения кредиторов: княжеские деньги отдавались в первую очередь, за ними – долги приезжего купца, а затем – долги местных купцов, которые делили между собой остаток. Займодавец, злоупотреблявший процентами и получивший уже в форме процентов большую часть долга, лишался права на возврат самого займа³.

Преимущественное право иноземных купцов на получение долгов являлось элементом международного права, которое в те далекие времена уже начало складываться с участием Древнерусского государства.

В ст. 114 «Русской правды» особо выделялась ответственность хозяина за действия его холопа, взявшего обманом деньги или материальные ценности: «Если холоп обманом возьмет у кого деньги в кредит под именем вольного

¹ Максименко Н. Н. Указ. соч. См. также: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под ред. О. И. Чистякова. М., 1984. С. 100.

² См.: Максименко Н. Н. Указ. соч. С. 16–17.

³ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 103.

человека, то господин его должен или заплатить, или отказаться от права собственности на него, но если веритель, зная, что он холоп, дал ему деньги, то лишается своих денег»¹.

В период феодальной раздробленности на Руси (XII–XV вв.) основными источниками права в Новгородской и Псковской республиках являлись Новгородская и Псковская судные грамоты.

В ст. 28–33 Псковской судной грамоты² описаны условия заключения и способы обеспечения исполнения договора займа. Договор займа можно было заключить различными способами. Как правило, использовались три способа: 1) заем под обеспечение залога с оформлением записи; 2) залог с оформлением залоговой доски; 3) залог.

Если договор займа заключался без соблюдения необходимых условий, он не подлежал судебной защите (например, суммы больше 1 рубля должны были даваться в долг только под залог или с оформлением записи)³.

В ст. 44 Псковской судной грамоты была определена процедура взыскания покрупы – возвратной ссуды, взятие которой приводило к установлению зависимости крестьянина от господина. Для взыскания покрупы господин не должен был представлять письменные доказательства заключения договора, он мог прибегнуть к закличу, указав точно, сколько серебра, другого имущества ему должен крестьянин. В ст. 45 Псковской судной грамоты устанавливался порядок предъявления иска в суд в случаях невозврата денег, предоставленных для торговли вещей, отданных на хранение, а также при взыскании ссуды, долга или имущества, оставшегося без владельца. Иск составлялся с указанием точной цены иска. Если же это требование не было соблюдено, истец проигрывал дело⁴.

Развитие общественных отношений в Российском государстве потребовало изменения судебной системы, в связи с чем в 1497 г. был принят Судебник, который стал фактически первым кодифицированным законодательным актом Московского государства, образовавшегося в результате объединения русских земель вокруг нового центра – Москвы.

В ст. 55 Судебника 1497 г. детализируется ст. 54 «Русской правды» (пространная редакция) с учетом экономического развития Руси и роста товарно-денежных отношений. Взяв за основу норму древнерусского права о порядке взысканий задолженностей, составитель разъясняет данную норму и определяет четкий порядок осуществления взысканий. В ст. 55 Судебника 1497 г. уточняются права и обязанности купца, который, «идучи в торговлю», использует в своих торговых операциях чужие деньги, чужой товар. В случае растраты, потери взятого имущества несостоятельный должник отвечал пе-

¹ *Титов Ю. П.* Указ. соч. С. 26.

² См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 334–335.

³ Там же. С. 359.

⁴ Там же. С. 336, 365–366.

ред кредиторами в зависимости от наличия или отсутствия злой воли. Так, неуплата долга вследствие несчастного случая, происшедшего с виновным-должником (например, товар был утерян «бесхитростно», утонул, сторел или его «рать взяла»), влекла лишь обязанность возратить долг в рассрочку без уплаты процентов.

Таким образом, с целью пресечения возможных злоупотреблений и охраны интересов кредитора закон ввел правило о расследовании возникшей несостоятельности. Несостоятельность должника по не зависящим от него причинам устанавливалась боярином (должностным лицом суда). Лишь после такого расследования, в процессе которого было доказано, что несостоятельность возникла в силу не зависящих от займополучателя причин, дьяком великого князя выдавалась «полетная грамота» (грамота об уплате долга в рассрочку), скрепленная великокняжеской печатью. Если невозвращение долга или потеря имущества произошла по вине должника (пропил или иным образом «погубил товар» по своей вине), то он подлежал выдаче истцу в холопство¹. Такой порядок гарантировал защиту интересов займодавцев, в первую очередь купцов и духовных феодалов, являвшихся основными кредиторами.

В сравнении с нормами о других имущественных правонарушениях, уголовно-правовые нормы об обманах в имущественной сфере являются свидетельством более развитого экономического состояния общества. Указанные посягательства появляются и получают распространение по мере развития договорных отношений, экономическую основу которых составляют более глубокое общественное разделение труда, господство обмена и товарно-денежных отношений, развитие торговли и иных атрибутов хозяйства².

В 1550 г. был принят новый Судебник, постановления которого включили в переработанном виде основные нормы предыдущего общерусского законодательства и в то же время отразили все новое, чего требовало усиливающееся Русское государство для поддержания феодального правопорядка³.

Составители Судебника 1550 г. структурировали содержание документа на главы или статьи. Одновременно они сгруппировали статьи, единые по своему содержанию. Все это показывает, что Судебник 1550 г. стоит на значительно более высокой ступени развития кодификационной техники, нежели все предыдущее российское законодательство⁴.

Развитие товарно-денежных отношений вызвало необходимость регламентации договора денежного займа. Законодатель, ставя своей задачей охрану интересов господствующего класса, стремился к установлению правил,

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под ред. О. И. Чистякова. М., 1985. С. 61, 87–88.

² См.: *Безверхов А.* Развитие понятия мошенничества в отечественном праве // Уголовное право. 2001. № 4. С. 9.

³ См.: Памятники Русского права / под ред. проф. Л. В. Черепнина. Вып. 4. М., 1956. С. 231.

⁴ Там же. С. 232.

защищающих запутавшихся в долгах дворян от цепких рук ростовщиков. С этой целью ст. 36 Судебника требовала, чтобы уплата по долговому обязательству проводилась в присутствии высших должностных лиц, чьи подписи и печати удостоверяли факт выплаты долга¹.

Если же обвиняемый не обладал имущественной самостоятельностью, вследствие чего не мог из своих средств покрыть вызванные его действиями убытки истца, все равно он был обязан возместить причиненный ущерб («истцу в его гибели видати головою на правеж до искупа»). Однако, в отличие от Судебника 1497 г., в котором на первый план выдвигался материальный интерес истца, Судебник 1550 г. требовал от истца-кредитора после погашения долга вернуть обвиняемого судебным органам. Отказ потерпевшего взять на себя обязательство выполнить подобное предписание влек для него отсрочку удовлетворения иска до взятия обвиняемого на поруки каким-либо третьим лицом. Если у правонарушителя не было средств покрытия убытков, он выдавался «головою на правеж до искупа» при обязательном ручительстве пострадавшего выдать виновного государственным органам после уплаты денег.

Правеж состоял в том, что должника, который не хотел платить, утром, еще до начала работы приказов, выводили перед приказной избой, обнажали ему икры и били по ним палками. Процедура эта длилась целый день и заканчивалась с отъездом судей из приказа. Если в течение срока правежа ответчик не договаривался с истцом об уплате долга, то взыскание обращалось на имущество должника. В случае признания должника после правежа несостоятельным он выдавался кредитору для отработки долга².

Понятно, какими тяжелыми последствиями мог обернуться такой правеж для нарушителя при отсутствии четкой регламентации процедуры в законе. Видимо, неурегулированность правежей и открытые злоупотребления в этом отношении потребовали в середине XIV в. законодательного вмешательства. В 1555 г. была утверждена «Память о правеже долгов». Приложение правежей было средством принудительного обеспечения интересов заимодавцев, и рассматривать их как юридическое наказание вряд ли было бы обоснованно. Государство укрепило обеспечение обязательств путем палки, определив тем самым на долгие годы основные направления правового воздействия на область торгово-имущественных отношений. Указанный документ ограничивал срок правежа одним месяцем, после чего неплательщик выдавался истцу «головою до искупа». Отсрочка правежа по ходатайству виновного не должна была превышать месячного срока во избежание «волокиты»³. Тем самым Судебник 1550 г. отразил возросшую роль государства, подчеркивая преимущество его интересов перед интересами потерпевшего⁴.

¹ См.: Памятники Русского права / под ред. проф. Л. В. Черепнина. С. 232.

² См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты земских соборов. М., 1985. С. 147, 321–322.

³ См.: *Рогов В. А.* Уголовные наказания и репрессии в России. М., 1992. С. 68.

⁴ См.: Памятники Русского права / под ред. проф. Л. В. Черепнина. С. 298.

В ст. 58 Судебника 1550 г. впервые указывалось на имущественный обман в виде мошенничества. Характерным является то, что истцу в случае изобличения мошенника не возмещался понесенный ущерб. Последний подвергнулся уголовному наказанию (битье кнутом)¹. Что же касается гражданского иска, то законодатель, запрещая его удовлетворение, предостерегал тем самым покупателей от излишней доверчивости на торгу.

Вопросы ответственности за обман нашли отражение и в Судебнике 1589 г. царя Федора Ивановича. Этот памятник права представлял собой нормативный акт, регламентирующий вопросы организации судопроизводства среди населения черносозного севера (так называемого Поморья).

Статья 112 названного Судебника гласит, что при обмане истец не получает никакого материального возмещения, если он даже поймал обманщика и доставил его судье. Уличенный в обмане наказывается кнутом².

В первой половине XVI в., во время правления царя Алексея Михайловича Романова, в Русском государстве заметно возрастает законодательная деятельность, усиливается стремление власти подвергнуть правовой регламентации как можно больше сторон и явлений общественной и государственной жизни. Венцом этой деятельности явилось создание Соборного уложения 1649 г.³

В ст. 189 Соборного уложения 1649 г. было указано, что договор поклажи, договор займа и ссуды должен оформляться в письменной форме под страхом потери права обращения в суд⁴.

Интерес представляют ст. 203–206 гл. 10 Соборного уложения 1649 г., в которых были предусмотрены условия для привлечения к ответственности должника за несостоятельность перед кредиторами.

Выделялись две причины несостоятельности должника: несчастный случай или неблагоприятная его деятельность. В зависимости от этого решался вопрос об ответственности должника. Формы ответственности перекликались с теми, которые были установлены «Русской правдой», но имелись, конечно, и существенные отличия, продиктованные новой обстановкой и дальнейшим развитием права.

При несчастном случае, вызвавшем несостоятельность, как и прежде, должнику давалась отсрочка уплаты долга без взимания процентов. Но если «Русская правда» не устанавливала предельных сроков уплаты долга, то по Уложению отсрочка давалась лишь до трех лет⁵. Кроме того, за возврат должником долга обязан был кто-нибудь поручиться. Если за должника по

¹ См.: Лимонов В. Н. Мошенничество. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика. М., 2000. С. 57.

² См.: Памятники Русского права / под ред. проф. Л. В. Черепнина. С. 456.

³ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты земских соборов. С. 76–83; Лимонов В. Н. Указ. соч. С. 57.

⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты земских соборов. С. 133.

⁵ См.: Памятники Русского права / под ред. д-ра юрид. наук К. А. Софроненко. М., 1957. С. 158.

его долгам никто не «ручался», тогда он отдавался кредиторам для отработки долга¹.

Во втором случае (когда несостоятельность должника возникала в результате его неблагоприятной деятельности) применялись условия ст. 206 Соборного уложения 1649 г., во многом похожей на ст. 55 Судебника 1497 г. В ней было указано: «А будет кто у кого возьмет денег в займы, или чего-нибудь для торговли, и тот истеряет своим безумием, пропьет, или проворует каким-нибудь обычаем, а сыщется про то допряма, а окупиться ему будет нечем, и его отдати исцу головою до искупу же»². В Соборном уложении была предусмотрена более мягкая ответственность, чем в «Русской правде», но такая же, как в Судебнике. При этой несостоятельности «Русская правда» давала кредитору право продать должника в холопы, по Уложению должник выдавался кредитору головой до тех пор, пока не рассчитается, в том числе и путем отработки долга³. Можно сказать, что ст. 206 Соборного уложения достаточно хорошо защищала интересы кредиторов от недобросовестных заемщиков, т. к. должник нес личную ответственность перед кредиторами при отсутствии у него денежных средств или имущества, необходимых для возврата долга. При этом ответственность должника наступала вне зависимости от наличия у него реальной возможности погасить долг.

В статьях 254–260 Соборного уложения 1649 г. регулировался договор займа, оформленный заемными кабалами. В указанных статьях, в частности, были предусмотрены следующие положения: безвозмездность договора займа, исковая давность по займу 15 лет (при этом частичная уплата долга прерывала сроки давности), обязательная для соблюдения форма передачи денег в долг и их возвращения (предусмотрены необходимые реквизиты заемной кабалы), устанавливалась очередность уплаты (например, казна имела преимущество над частными долгами)⁴.

Статьи 261–264 Соборного уложения 1649 г. предусматривали такой способ борьбы с неплательщиками по ссудным делам, как правеж. Были установлены предельные сроки правежа из расчета один месяц за сто рублей долга, по особой просьбе должника правеж можно было отсрочить на месяц, но не более.

В ряде случаев при получении ссуды использовался обман. В этой связи необходимо несколько слов сказать о мошенничестве. Смысловое содержание понятия «мошенничество» в Судебнике 1550 г. и в Соборном уложении 1649 г. не было определено. Его законодательное определение впервые было дано в Указе Екатерины II от 1781 г. «О разных видах воровства и какие за них наказание чинить»: «Воровством-мошенничеством называется, когда кто на торгу или в ином многолюдном месте у кого из кармана что вынет, или

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты земских соборов. С. 133.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты земских соборов. С. 136.

³ Там же. С. 365.

⁴ Там же. С. 146–147, 320–321.

обманом, или вымыслом, или внезапно у кого что отнимет, или унесет, или от платья полу отрежет, или позумент спорет, или шапку сорвет, или купит что не заплатив скроется, или обманом, или вымыслом продаст, или отдаст поддельное за настоящее, или и весом обвесит или мерою обмерит, или что подобное обманом или вымыслом себе присвоит без воли и согласия хозяина»¹.

По способу действия мошенничество включало в себя «открытое внезапное похищение чьего-либо имущества и присвоение его обманом или вымыслом; обман и здесь мог иметь место даже после передачи имущества. Обмер и другие обманы не составляли мошенничества... тут полагалась лишь денежная пеня вдвое против обмана и публикация судебного определения... Утайка чужого имущества, несостоятельность и банкротство ясно были отграничены от мошенничества»².

Прослеживая эволюцию отечественного уголовно-правового законодательства, касающегося данной экономической сферы, необходимо выделить Уложение о наказаниях уголовных и исправительных Российской Империи 1845 г.³ Следует отметить, что именно в этом документе были заложены основные законодательные конструкции об ответственности за преступления в сфере кредитных отношений, существующие ныне в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Важное значение имели положения гл. 12 Уложения 1845 г. «О нарушении постановлений о кредите». Предусматривалась ответственность за подлог при займе из государственных или общественных и частных кредитных установлений (ст. 1151)⁴.

Одна из норм, выделенная законодателем в самостоятельную статью Уложения, предусматривала ответственность за извлечение противозаконной выгоды путем хищения или уничтожения каких-либо документов⁵. К числу наказуемых относились и случаи совершения хищений своих собственных долговых расписок у кредиторов, держащих их в обеспечение займа.

Кроме того, нормы Уложения предусматривали ответственность за обман не только при совершении сделок, направленных на непосредственную передачу имущества, но и при совершении сделок, которые должны быть облечены в письменную форму; за действия, направленные на залог одного и того же имущества в разных кредитных учреждениях. Как можно заметить, закон того времени проводил параллель между обманными действиями в процессе осуществления залога и мошенничеством, где главным определяющим признаком являлся сам характер действий по совершению залога. К числу про-

¹ Цит. по: *Безверхов А.* Указ. соч. С. 9.

² *Фойницкий И. Я.* Мошенничество по русскому праву. СПб., 1871. С. 73.

³ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных Российской Империи 1845 г. СПб., 1882. С. 492–493.

⁴ См.: *Лохвицкий А.* Курс Русского уголовного права. СПб., 1871. С. 479–483.

⁵ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Петербург: Изд. Н. С. Таганцев. 1901. С. 819–820.

тивоправных были отнесены также случаи залога недвижимого имущества одним из совладельцев без воли и согласия других¹.

Законом от 7 марта 1879 г. были введены гражданско-правовые меры по-нуждения должников к выполнению обязательств: 1) взыскателю, иск кото-рого не был обеспечен объективно, была предоставлена возможность просить суд о взятии у должника подписки о невыезде из места жительства или места временного нахождения; 2) если взыскатель не указал способ исполнения по вынесенному в его пользу гражданскому решению, а также если описанного и оцененного имущества или вырученных от его продажи денежных сумм было недостаточно для полного удовлетворения или обеспечения взыскания, то взыскатель, помимо подписки о невыезде должника, мог вызвать должни-ка в суд для дачи показаний. Должник обязан был явиться лично в окружной суд или к мировому судье, а при неявке подвергался приводу. Показания должника в суде протоколировались и подписывались им. В суде должник предоставлял информацию об имеющихся у него средствах для удовлетво-рения взыскания и в чем именно они заключаются; в случае сокрытия должни-ка производился розыск в порядке уголовного судопроизводства².

Эта мера гражданского процесса имела и уголовную санкцию, определен-ную в ст. 176¹ Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Соглас-но этой статье, «лица, заведомо имевшие какие-либо способы к удовлетво-рению своих кредиторов, но умышленно не объявившие об этом суду или по-лиции в случаях и порядке, определенных правилами гражданского судопро-изводства, а также сделавшие при сем объявлении ложные показания, хотя бы от этого и не последовало ущерба, подвергаются заключению в тюрьму от одного до восьми месяцев»³.

Указанная статья Устава предусматривала ответственность за два вида деяния: 1) отказ должника предоставить информацию об имеющихся у него способах удовлетворения требований кредиторов, даже в форме простого отказа от дачи показаний вообще; 2) дача ложных показаний, которые были направлены на сокрытие имущества от кредиторов при таком объявлении, хотя бы от этого не последовало никакого вреда.

Необходимо отметить, что закон не требовал, чтобы должник объявлял обо всем своем имуществе. Если он сообщал об имуществе, которого доста-точно, по его мнению, для удовлетворения требований кредиторов, он осво-бождался от ответственности за необъявление о прочем имуществе. Можно согласиться с А. А. Сапожковым, что доказывание объективной и субъектив-ной стороны данного преступления не представляло трудностей, т. к. опира-

¹ См.: *Якоби С.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступле-ний в сфере коммерческой банковской деятельности. М., 2004. С. 83–84.

² *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущест-венные. СПб., 1912. С. 408.

³ Свод законов Российской империи. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Ре-принтное издание 1914 г. Волгоград, 1995. С. 63–64.

лось на формальные процедуры административного и гражданского процесса. Эффективность этой нормы повышало и то обстоятельство, что защита кредитора начиналась не на стадии исполнения судебного решения, а в более ранний период, на стадиях судебного и даже досудебного рассмотрения жалобы в отношении должника¹. По мнению П. А. Скобликова², эта правовая конструкция может быть воспринята (с необходимыми корректировками) и современным законодательством.

В соответствии со ст. 173 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, наказанию подлежали те, кто «выманит у кого-либо деньги или вещи через сообщение ложных известий или под видом выгодных предприятий, мнимых расходов по какому-либо делу...»³.

Во второй половине XIX столетия важным этапом развития экономических отношений явилось возникновение и развитие банков, акционерных обществ и других кредитно-финансовых учреждений, что с неизбежностью повлекло за собой появление новых видов общественно опасных деяний, не предусмотренных действующим уголовным законодательством. Привычным делом становились махинации в банках и акционерных обществах⁴.

Статьи 1163–1168 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г.) разрешали вопросы ответственности за различные злоупотребления, связанные с банкротством.

В теории уголовного права банкротство рассматривалось как имущественное преступление, поскольку оно являлось посягательством на имущественные права кредиторов по удовлетворению их долговых претензий на имущество должника. «Однако такая вредоносность деяния направляется здесь не на права вещные, как при присвоении, повреждении и похищении чужого имущества, ни даже не на чужое долговое имущество и на выгоды из имущества, как при злоупотреблении доверием, обманах и вымогательстве, а именно на прочность гарантии, представляемой собственным имуществом виновного для удовлетворения долговых претензий третьих лиц. Непосредственным предметом банкротства является собственное имущество виновного, распоряжения которым не наказуемы, однако до тех пор, пока ими не сокращается объем возможности покрытия виновным долговых претензий третьих лиц»⁵.

Российское законодательство различало три вида несостоятельности как совершенной невозможности полного удовлетворения кредиторов из всего

¹ См.: Сапожков А. А. Кредитные преступления: Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб., 2002. С. 28.

² См.: Скобликов П. А. Имущественные споры и криминал в современной России. М., 2001. С. 214.

³ Цит. по: Сапожков А. А. Указ. соч. С. 23.

⁴ См.: Тюнин В. И. Преступления экономические в Уголовном уложении 1903 года // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 168.

⁵ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1912. С. 394.

принадлежащего должнику имущества: несчастную, неосторожную и злостную или злонамеренную.

Несостоятельность признавалась несчастной, когда должник «приведен в неоплатность» не собственной виной, а стечением непредвиденных обстоятельств, как-то: наводнение, пожар, вторжение неприятеля, неожиданный упадок дел у должника и другие внезапные обстоятельства, которые, по мнению заимодавцев, при всем благоразумии и осторожности предвидеть и предотвратить было невозможно. Несчастливая несостоятельность уголовной ответственности не влекла.

Неосторожным (простым, расточительным) банкротство признавалось, когда субъект впадал в несостоятельность вследствие расточительности или легкомысленного ведения имущественных дел. Как отмечал И. Я. Фойницкий, «преступность этого деяния сводится к свойству причин издержания имущества, которые должны состоять в том, что виновный не соблюдал самых элементарных требований, по общему мнению, обязательных для всякого доброго хозяина, и тем поставил в опасность имущественные интересы доверившихся ему кредиторов. Разоряя себя, виновный причиняет вред и третьим лицам, снабдившим его своими капиталами в расчете на правильное ведение его дел. Такое саморазорение может корениться:

– в расточительности, т. е. в чрезмерности, по состоянию имущественных средств виновного, делаемых им расходов лично для себя, по дому или по торговым операциям (например, на рекламы); мотивы расходов безразличны – они могут быть самые похвальные (например, на дела благотворительные) и безнравственные (например, для игры, на женщин и попойки). Одну из форм деловой расточительности вообще и торговой в частности составляют явно рискованные операции (биржевая игра), долженствующие быть запретным плодом для человека, оперирующего на полученные в долг капиталы;

– в несоблюдении обычных мер осторожности, необходимых для ограждения своего имущества (например, в незастраховании груза), или вообще в легкомысленном, небрежном ведении дел, если этими причинами вызвана неоплатность должника»¹.

Ответственность за неосторожное банкротство по ст. 1165 Уложения о наказаниях несли только лица, производящие торговлю, которые лишались права на торговлю и по требованию и усмотрению заимодавцев заключались в тюрьму на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев.

Злонамеренное, злостное банкротство понималось как умышленное сокрытие должником, впадшим в несостоятельность или прекратившим платежи, своего имущества с целью получить имущественную выгоду, избежав

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб., 1907. С. 398.; Уголовное уложение. Проект Редакционной комиссии и объяснения к нему. СПб., 1897. Т. VII. С. 416–451.

платежа долгов кредиторам или, по крайней мере, полного платежа долгов¹. Злонамеренное банкротство влекло уголовную ответственность как для лиц, производящих торговлю, так и для других злостных должников (ст. 1163 и 1166 Уложения о наказаниях).

Законодательство, судебная практика и теория уголовного права рассматривали два вида сокрытия несостоятельным должником своего имущества: 1) фиктивное умаление актива в результате утаивания от кредиторов имущественных ценностей путем уноса, увоза, спрятаивания или фиктивное отчуждение имущественных ценностей путем перевода их на имя третьих лиц, обычно близких родственников; 2) фиктивное увеличение пассива, связанное с выдачей обязательств по несуществующим долгам, выдачей преувеличенных обязательств². Такой вид сокрытия в обиходе назывался выдачей «бронзовых векселей».

К злонамеренному (корыстному) банкротству относилось такое сокрытие должником своего имущества, которое совершалось при наступлении несостоятельности (или во время производства о несостоятельности) или в предвидении объявления несостоятельности в близком времени. Корыстное банкротство могло наблюдаться и при фиктивной несостоятельности, когда должник ложно объявлял себя несостоятельным, чтобы уклониться от уплаты долгов.

Помимо банкротства законодательство предусматривало и другие составы преступлений против интересов кредиторов. Так, в ст. 1700 Уложения о наказаниях говорилось об ответственности собственника имущества, который, зная о состоявшемся в установленном порядке распоряжении о наложении запрещения или ареста на имущество, до того, как это распоряжение будет исполнено, перекрепит, безденежно передаст или иным способом скроет имущество или часть его, чем причинит ущерб кредиторам.

Многие новые преступления в той или иной степени были связаны с обманом. В работах некоторых криминалистов предлагалось применять в таких случаях положения статей о мошенничестве³.

В 1903 г. было разработано Уголовное уложение России, куда из предшествующего Уложения о наказаниях уголовных и исправительных Российской Империи 1885 г. автоматически было перенесено большинство норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере кредитных отношений. Однако при разработке нового законопроекта и построения его системы

¹ См.: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб., 1907. С. 394; *Познышев С. В.* Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. 3-е изд. М., 1912. С. 323.

² См.: *Познышев С. В.* Указ. соч. С. 323; *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб., 1907. С. 394.

³ См.: *Тюнин В. И.* Экономические преступления в Уголовном уложении 1903 г. (к истории создания Уголовного уложения) // Правоведение. 2000. № 2. С. 241.

члены Редакционной комиссии исходили из сложившихся в конце XIX столетия научных представлений о характере и общественной опасности тех или иных деяний. Все посягательства, совершаемые в сфере экономической деятельности, были объединены в две большие группы: преступления имущественные (посягающие на частную сферу) и преступления общественные (публичные).

Преступления, посягающие на чужое имущество, получают родовое название «злоупотребление доверием». Основанием их выделения составителями Уголовного уложения была названа «особо установленная договором или законом обязанность поступать добросовестно в определенной области»¹. И хотя существующие нормы предусматривали наличие специальных субъектов такого злоупотребления, предпринималась попытка максимально расширить содержание понятия злоупотребления доверием.

Под злоупотреблением доверием понималось «умышленное причинение вреда чужому имущественному интересу, охрана которого принадлежала виновному в силу особой лежащей на нем обязанности по имуществу и посредством превратного пользования правами, из такой обязанности вытекавшими»².

Родовое понятие «злоупотребление доверием» делилось на виды: злоупотребление «по распоряжению чужим имуществом» и «по распоряжению своим имуществом». В свою очередь, злоупотребление по распоряжению чужим имуществом содержало следующие подвиды: злоупотребление полномочиями, злоупотребление должностными полномочиями к вреду имущественному, разглашение тайн, недобросовестные действия служащих в акционерных обществах.

Так, в соответствии со ст. 579 главы 31 «О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием» Уголовного уложения подлежали ответственности заведующий и управляющий делами кредитных установлений, обществ взаимного страхования, товариществ на паях и акционерных обществ, виновные в совершении следующих деяний: обращение имущества кредитных установлений, обществ взаимного страхования, товариществ на паях и акционерных обществ вопреки их назначению, обращение капиталов, полученных от Правительства на нужды предприятия, вопреки целям, на которые они были выделены. Данное преступление предполагало наступление имущественного вреда. В квалифицированном составе он определялся как «значительный» либо состоял в приостановлении платежей или объявлении предприятия несостоятельным.

В результате анализа указанной статьи можно сделать вывод, что она может рассматриваться в качестве прообраза ч. 2 ст. 176 УК РФ 1996 г.

¹ Проект Уголовного уложения. Посягательства имущественные. Объяснения Редакционной комиссии. СПб., 1887. С. 268.

² Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1912. С. 376.

В злоупотреблении по распоряжению своим имуществом выделяли банкротство, легкомысленную несостоятельность и прочие случаи сокрытия имущества во вред кредиторам.

В гл. 33 «О мошенничестве» Уголовного уложения 1903 г. предусматривалась ответственность за различные виды мошенничества. Понятие мошенничества сводилось к умышленному посредством обмана похищению чужого движимого имущества с целью присвоения его¹.

Для квалификации действий лица как мошенничества они должны были включать в себя: обман, похищение и причинную связь между ними. Понятие обмана включало в себя три признака: заведомость, намерение обольстить другого и искажение истины. Под похищением (при мошенничестве) понималось получение имущества от потерпевшего, склоненного обманом к уступке или передаче его виновному, при ошибочном представлении, что последний имеет на это имущество какое-либо право. Однако понятием обмана не охватывались, в частности, лживые обещания (например, получение денег в долг с обещанием своевременной уплаты при том, что обещающий при получении кредита осознавал невозможность исполнения своих обещаний).

В гл. 34 Уголовного уложения 1903 г. «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу» упоминается значительное число деяний, посягающих на отношения в кредитной сфере. Все эти преступления являлись разновидностями общего понятия недобросовестности.

В рамках этой главы могут быть выделены следующие виды недобросовестности: 1) неисполнение обязанностей должника по отношению к его кредиторам (ст. 599–604); 2) сокрытие способов удовлетворения кредиторов (ст. 606); 3) противозаконное распоряжение своим имуществом во вред кредиторам (обесценение или отчуждение недвижимого имущества, состоящего в залоге, похищение, сокрытие, отчуждение или отдача в заклад заложенного или арестованного движимого имущества и пр.) (ст. 607); 4) недобросовестные действия кредитора и других лиц (ст. 608–615). Следует отметить, что деяния, перечисленные в указанных нормах, частично сходны с нормой, предусмотренной в ст. 177 УК РФ 1996 г.

В рамках проводимого исследования определенное внимание следует уделить первому виду недобросовестности, к которому относились различные формы банкротства, хотя само понятие банкротства в Уголовном уложении 1903 г. не содержалось. Так, статья 599 предусматривала злостное банкротство, которое выражалось в действиях, направленных к утаиванию (сокрытию) собственного имущества, а именно: умолчание или ложные показания об имуществе, «выдача уменьшающего конкурсную массу обязательства по долгу», безвозмездная передача, «переукрепление или сокрытие иным

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб., 1907. С. 253.

способом своего имущества». Новый закон изменял процессуальный порядок привлечения виновного к уголовной ответственности. Уголовное преследование было возможно с предъявлением «тому или другому суду со стороны кредиторов или должника ходатайства о признании данного лица несостоятельным, уваженного судом в форме определения об объявлении несостоятельности»¹.

Статья 599 распространила свое действие на всех лиц, объявленных несостоятельными, независимо от характера профессиональной деятельности. Квалифицированным видом банкротства являлось банкротство несостоятельного должника, объявленного таковым в порядке торгового производства (ст. 600). Часть вторая ст. 600 указывала такие последствия банкротства, как «важный ущерб казне», «расстройство дел кредитного установления», «разорение многих лиц». Наказание в этом случае увеличивалось с трех до восьми лет заключения в исправительном доме.

Наряду с банкротством корыстным или злым Уголовное уложение предусматривало банкротство неосторожное (ст. 603), состоящее в «легкомысленном ведении торговых дел или в расточительности», что вызвало несостоятельность виновного. Это преступление наказывалось заключением в тюрьме, как и преступление, состоящее в «легкомысленном ведении дел» или «расточительности» со стороны заведующих и распоряджающихся делами коммерческих предприятий (ст. 604).

Уголовному уложению 1903 г. не суждено было вступить в силу в полном объеме. Тем не менее, оно существенно повлияло на развитие уголовного законодательства России и, как нам представляется, в том числе, способствовало появлению статей 176 и 177 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г.

Октябрьская революция 1917 г. не только коренным образом изменила ситуацию в кредитной сфере, но и негативно повлияла на достаточно высокий уровень правовой разработанности законодательства дореволюционной России. Так, декретом ВЦИК от 14 декабря 1917 г. все полномочия на осуществление кредитных операций передавались Государственному банку вновь созданного государства, была объявлена государственная монополия на банковское дело, начиналась национализация частных акционерных банков и банкирских контор, иных кредитных учреждений². Далее, в целях развития банковской сферы 7 октября 1921 г. был принят декрет ВЦИК о создании Государственного банка РСФСР, в 1922 г. был восстановлен Банк потребительской кооперации, создан Промбанк для краткосрочного кредитования кооперативов. Тогда же стали «образовываться общества взаимного кредита, основной функцией которых было регулирование частного кредита в соот-

¹ Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 455.

² См.: Дмитриев-Крымский Г. Н. Современные банки и кредит в СССР и за границей. М., 1924. С. 31.

ветствии с хозяйственно-экономической политикой СССР. К 1926 г. это была уже целостная, динамичная в своем развитии кредитная сеть частного капитала, деятельность которой регулировалась государством...»¹. Период новой экономической политики привел к частичному восстановлению прежней банковской системы. «В условиях нэпа частные предприниматели совершенно свободно открывали текущие счета в банках, получали кредиты, в том числе и необеспеченные, одновременно в двух-трех банках...»². Основными злоупотреблениями того времени в рассматриваемой сфере являлись: представление фиктивных документов на чужое имущество в Госбанк с целью получения кредитов без всякого обеспечения; недобросовестная реклама несуществующих предприятий; прямое хищение полученных кредитных средств³. Эти и другие обманные способы завладения чужим имуществом не нашли прямого отражения в уголовном законодательстве 1921–1928 гг.

Однако в ч. 1 ст. 130 УК РСФСР 1922 г. устанавливалась ответственность за неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным учреждением или предприятием, если доказан заведомо злонамеренный характер неисполнения договора или иные заведомо недобросовестные по отношению к государству действия, даже если эти действия выразились в возвращении авансов до срока и отказе от дальнейшего исполнения договора, но с использованием предоставленных государственных средств на цели, не относящиеся к исполнению обязательств по договору⁴. Если же был доказан явно злостный характер указанных выше деяний и они сопровождались предварительным соглашением между агентами казны и контрагентами, уголовная ответственность наступала по ч. 2 ст. 130 УК РСФСР 1922 г.

Совершение действий или уклонение от действий, которые могли бы составить «неисполнение обязательств» по ст. 130 УК РСФСР 1922 г., не являлись ограниченными и определялись договором. Неисполнение договора должно было иметь злонамеренный характер, т. е. оно должно было совершаться с умыслом на причинение ущерба государству. Ответственность за неисполнение договора, вызванное непреодолимой силой, произошедшее по неосторожности контрагента или в силу его неопытности, не попадало под действие ст. 130 УК 1922 г.⁵, а влекло лишь гражданскую ответственность контрагента⁶.

По мнению Б. Змиева, указание в ч. 2. ст. 130 УК РСФСР 1922 г. на «явно злостный характер» деяния свидетельствовало о том, что законодатель имел

¹ Кондурушкин И. С. Частный капитал перед советским судом. М.–Л., 1927. С. 34; См. также: Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.–Л., 1927. С. 47.

² Ларин Ю. Указ. соч. С. 225.

³ См.: Якоби С. Указ. соч. С. 87.

⁴ См.: Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Т. 2. Особенная часть. М., 1928. С. 132.

⁵ См.: Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий. Хозяйственные преступления / под ред. М. И. Гернета и Л. Н. Трайнина. 3-е изд. М., 1925. С. 26.

⁶ См.: Змиев Б. Уголовное право. Часть особенная. Вып. 2. Казань, 1925. С. 34.

в виду крайнюю разнузданность со стороны контрагента казны, который, войдя в соглашение с агентами казны, не стеснялся в средствах и приемах, стремился ограбить казну, прикрываясь договорными отношениями¹. Можно сказать, что ст. 130 УК РСФСР 1922 г. в основном похожа по содержанию на ч. 2 ст. 176 УК РФ 1996 г., т. к. она защищала интересы государства от недобросовестных контрагентов (например, недобросовестных заемщиков, получающих кредиты). Так, ответственность по ст. 130 УК РСФСР 1922 г. могла наступить, если заемщик, получив государственный кредит, не вернул его государству в установленные договором сроки или использовал его не по целевому назначению (т. е. фактически не исполнил свои обязательства по договору), при этом суд должен был доказать злонамеренный характер невозвращения кредита в установленный срок или использования его не по назначению или факт совершения иных заведомо недобросовестных по отношению к государству действий.

В связи с увеличением случаев бесконтрольного расходования бюджетных средств правительство установило дисциплинарную, а при наличииотягающих обстоятельств – уголовную ответственность за «бескредитные расходы». В частности, на основании Постановления ВЦИК и СНК от 14 сентября 1926 г. к ответственности привлекались лица, допустившие расходование:

- бюджетных средств на надобности, сметой не предусмотренные;
- указанных средств на надобности, сметой предусмотренные, но произведенные в размерах, превышающих исчисление по смете;
- поступлений, подлежащих сдаче в доход казны;
- специальных средств, депозитов, фондов и других внебюджетных средств на надобности, не соответствующие назначению этих средств².

УК РСФСР 1926 г., изданный в соответствии с Основными началами уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., сохранил преемственную связь с УК РСФСР 1922 г.³

В УК РСФСР 1926 г., по сравнению с УК РСФСР 1922 г., существенно изменилось понятие мошенничества. Под мошенничеством, согласно ст. 169 УК РСФСР 1926 г., понималось злоупотребление доверием или обман для получения имущества или права на имущество, или получение иных личных выгод. В соответствии с ч. 2 ст. 169 этого УК мошенничество наказывалось более строго, если последствием его было причинение убытков государственному или общественному учреждению.

По сравнению со ст. 187 УК РСФСР 1922 г., объем мошенничества согласно ст. 169 УК РСФСР 1926 г. стал шире: теперь не требовалось фактического получения имущества или права на него, достаточно было только при-

¹ См.: Змиев Б. Указ. соч. С. 34.

² См.: Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства. М., 1938. С. 228.

³ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952. М., 1953. С. 190–207.

бегнуть к обману для достижения этой цели. Для состава мошенничества было необходимо, во-первых, чтобы обманные действия предшествовали получению имущества, во-вторых, чтобы имущество было чужое по отношению к покупателю¹.

Однако не все то, что обозначалось словом «обман», признавалось уголовно преследуемым мошенническим обманом. Например, должник, получивший деньги займы благодаря тому, что кредитор поверил его обещанию своевременно уплатить долг, затем сознательно нарушил свое обещание, можно сказать, обманул кредитора. Однако такого рода действия должника не содержали состава имущественного обмана. Обман сводился к созданию у потерпевшего неверного представления о каких-либо фактах; фактом же является всякое обстоятельство, существовавшее в прошлом или же существующее в настоящем. Поэтому неверное сообщение об обстоятельствах, которые должны лишь наступить в будущем, не были обманом в смысле ч. 1 ст. 169 УК РСФСР 1926 г., и получение имущества посредством такого ложного обещания не составляло мошенничества (если только не имело место злоупотребление доверием). Например, не являлось наказуемым деянием взятие денег займы с обещанием уплатить их в определенный срок, хотя бы взявший деньги с самого начала решил не возвращать их².

Представляет интерес ст. 131 УК РСФСР 1926 г. В этой статье устанавливалась ответственность за неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным или общественным учреждением или предприятием, если при рассмотрении дела в порядке гражданского судопроизводства обнаруживался злонамеренный характер неисполнения договора.

Для признания лица виновным в преступлении, предусмотренном ст. 131 УК РСФСР 1926 г., суду было необходимо установить, что лицо, взявшее на себя обязательства по договору, злонамеренно не выполняло их, при этом преследовало «корыстные и личные виды». Злонамеренный характер выражался и в том, что неисполнение должно было вызываться умыслом причинения ущерба государству. Во всяком случае, злонамеренные действия не должны переходить в обманные, иначе было налицо мошенничество, предусмотренное ч. 2 ст. 169 УК РСФСР 1926 г., т. е. мошенничество, имевшее последствием убыток, причиненный государственному или общественному учреждению³.

Кроме того, привлечение к ответственности по ст. 131 УК РСФСР 1926 г. было возможно лишь после того, как вопрос о невыполнении договора был разрешен судом, который обнаружил злонамеренный характер неисполнения. Это правило означало, что при неисполнении частным лицом договора с государственным или общественным учреждением или предприятием по-

¹ См.: *Вроблевский А. Б., Утевский Б. С.* Уголовный кодекс 1926 г. Комментарий / под общ. ред. Е. Г. Ширвиндта, 2-е изд. М., 1928. С. 354.

² Там же. С. 356.

³ См.: *Вроблевский А. Б., Утевский Б. С.* Указ. соч. С. 356.

следнее должно было предъявить в гражданский суд иск к контрагенту о возмещении убытков. Если же при рассмотрении иска было установлено, что неисполнение договора носило злостный характер, суд одновременно с удовлетворением иска выносил определение о направлении дела для его рассмотрения в уголовном порядке по признакам ст. 131 УК РСФСР 1926 г.¹

Неисполнение договора вследствие непреодолимых препятствий (например, стихийных явлений) или бедствия (например, шторма на море) не могло разрешаться в уголовном порядке, т. к. не включало в себя признаков состава преступления, для которого требуется заведомая недобросовестность, т. е. умысел. Последствия такого невыполнения подлежали рассмотрению исключительно в порядке гражданского судопроизводства².

Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1960 г. также не содержал специальных норм, предусматривающих ответственность за ненадлежащее поведение должников и создающих условия возвратности долга. Следует признать, что в указанный период существования российского государства в подобных нормах не было нужды. Средства производства, иная достаточно значимая собственность, хотя и именовались по-разному (государственная, кооперативная, общественная), находились в конечном итоге под контролем одного субъекта – КПСС, поэтому почва для возникновения серьезных имущественных конфликтов объективно отсутствовала³.

По УК РСФСР 1960 г. (до 1 июля 1994 г.) под мошенничеством понималось:

- завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 93);
- завладение личным имуществом граждан или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 147).

Федеральным законом от 1 июля 1994 г. № 10 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»⁴ были внесены существенные изменения в УК РСФСР 1960 г. В частности, в новой редакции была изложена ст. 147 «Мошенничество», под которым теперь понималось «завладение чужим имуществом или приобретение права на имущество путем обмана либо злоупотребления доверием». По ст. 147 УК РСФСР могли квалифицироваться действия руководителя фирмы, если он в момент получения кредитных средств сознавал, что совершает обман, представляя, например, договор о направлении этих средств на выполнение целевых программ, а в действительности не намереваясь это ис-

¹ См.: Карницкий Д. А., Рогинский Г. К., Строгович М. С. Уголовный кодекс РСФСР. Постатейный комментарий. 2-е изд. М., 1929. С. 236–237; См. также: Полянский Н. П. Хозяйственные преступления по новому Уголовному кодексу. М., 1927. С. 23–24.

² Ганин Д. Л. Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий. М., 1927. С. 156.

³ См.: Скобликов П. А. Уголовно-правовое обеспечение возвратности долгов в Российском законодательстве // Хозяйство и право. 1999. № 3. С. 51.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 10. Ст. 1109.

полнить, причем располагал реальной возможностью использовать полученные средства в соответствии с целями кредитования¹.

Кроме того, УК РСФСР 1960 г. был дополнен статьей 148³, предусматривающей ответственность за причинение имущественного ущерба собственнику путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения. В частности, по ст. 148³ данного УК можно было привлекать к ответственности лиц, виновных в обманном завладении кредитными средствами, отличающемся от мошенничества². Примерами обмана в смысле ст. 148³ УК могли быть: представление кредитору ложных сведений о финансовой состоятельности получателя кредита, заведомо недостоверного бизнес-плана, технико-экономического обоснования предстоящих инвестиций, а равно несообщение кредитору об ухудшении финансового состояния получателя кредита, если обязанность такого уведомления была предусмотрена кредитным соглашением и если данными действиями был причинен ущерб в виде упущенной выгоды³.

С реформой отношений собственности и разгосударствлением основная масса злоупотреблений в кредитной сфере оказалась вне поля уголовно-правового воздействия. С целью устранения очевидного пробела законодатель ввел в УК РФ 1996 г. главу «Преступления в сфере экономической деятельности», в которой по-новому решается вопрос об ответственности за злоупотребления в сфере кредитования.

Сравнительный анализ современных норм, предусматривающих ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, позволяет констатировать, что по своему законодательному потенциалу они ничуть не уступают нормам, действовавшим ранее, и в значительно большей степени отвечают потребностям современного общества в борьбе со злоупотреблениями в сфере кредитования. Однако вышесказанное не исключает возможности дальнейшего совершенствования анализируемых норм, в том числе с учетом опыта зарубежного законодателя.

¹ См.: *Кривенко Т., Куранов Э.* Квалификация посягательств на целевые бюджетные средства // *Законность.* 1997. № 7. С. 11.

² См.: *Гаухман Л. Д., Максимов С. В.* Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998. С. 93.

³ См.: *Сапожков А. А.* Указ. соч. С. 35; *Гаухман Л. Д., Максимов С. В.* Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики. М., 1996. С. 171.

§ 2. Уголовное законодательство некоторых зарубежных стран об ответственности за деяния, связанные с незаконным получением кредита и злостным уклонением от погашения кредиторской задолженности

Гражданское законодательство современной России испытывает определенное влияние Запада. Это не может не отразиться на содержании и уголовно-правовых норм, действующих в сфере экономики. Мы согласны с мнением А. А. Сапожкова, который констатирует, что определенные нормы УК РФ о преступлениях в сфере экономической деятельности сегодня в значительной части являются либо прямым заимствованием зарубежных норм (например, норма о кредитном обмане), либо испытывают иное, прямое или косвенное влияние западных образцов¹. В пределах данного исследования считаем целесообразным уделить некоторое внимание законодательству стран континентальной системы права (Испания, Франция, ФРГ и др.), англосаксонской правовой системы (США, Англия и др.), а также законодательство стран ближнего зарубежья, предусматривающему уголовную ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности.

В Уголовном кодексе Испании 1995 г. отсутствуют специальные статьи, предусматривающие уголовную ответственность за деяния, сходные с правонарушениями, предусмотренными ст. 176 и 177 УК РФ. Однако к уголовной ответственности по ст. 248 шестой главы УК Испании «Об обманном присвоении чужого имущества» могут быть привлечены лица, которые с целью наживы, используя обман, достаточный для возникновения заблуждения у другого лица, побуждают его совершить действия по распоряжению имуществом во вред ему самому или другим лицам; манипулируют с целью наживы информацией, в результате чего достигают неправомерной передачи наличного имущества во вред другим лицам². Представляется, что деяние, предусмотренное ст. 176 УК РФ, охватывается приведенным составом преступления.

Ответственность должников предусмотрена лишь в гл. 7 УК Испании «О наказуемой несостоятельности». Так, к уголовной ответственности по ст. 257 УК Испании может быть привлечено лицо за объявление себя банкротом во вред своим кредиторам. В ч. 2 ст. 257 названной главы говорится, что положения этой статьи применяются к обязательствам или долгам любой природы и любого рода, от удовлетворения или выплаты которых лицо стремится уклониться, включая экономические права работников, независимо от того, является ли кредитор частным или юридическим лицом, государственным или частным³.

¹ См.: Сапожков А. А. Указ. соч. С. 187.

² См.: Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. М., 1998. С. 80.

³ Там же. С. 80–82.

Параграф 265-б Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии включает норму, непосредственно предусматривающую уголовную ответственность за «мошенничество, связанное с получением кредита». В соответствии с диспозицией данной нормы к ответственности могут быть привлечены лица, которые:

а) представляют предприятию или организации в связи с заявлением на предоставление кредита или изменение условий кредитования неправильные или неполные документы либо дают в письменном виде неправильные или неполные сведения, касающиеся хозяйственных отношений;

б) не сообщают об ухудшениях хозяйственных отношений, которые представлены в документации и иных сведениях¹.

В контексте данного исследования считаем целесообразным акцентировать внимание на следующих существенных моментах:

– в диспозиции анализируемой нормы речь идет не о любых представляемых лицом сведениях, касающихся хозяйственных отношений, а лишь о сведениях, имеющих существенное значение при принятии решения о предоставлении кредита;

– ответственность по рассматриваемой норме наступает не только за предоставление заведомо ложных сведений с целью получения кредита, но и за несообщение об ухудшениях хозяйственного положения предприятия или организации;

– субъектом преступления, предусмотренного § 265-б Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии, могут быть должностные лица как «существующих», так и «несуществующих» предприятий или организаций;

– под кредитом в рассматриваемой норме понимаются денежные ссуды всех видов, акцептные кредиты, денежные приобретения, отсрочка оплаты денежных требований, векселя, чеки и принятие поручительств, гарантий или иные подобные действия;

– деяния, перечисленные в § 265-б Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии, признаются преступными независимо от наступления последствий;

– анализируемой нормой предусматривается возможность освобождения от наказания в случае добровольного предотвращения предоставления кредитором суммы, о которой ходатайствует лицо, а также в том случае, если результат преступного деяния не наступил без участия лица, но оно принимало добровольные и настойчивые усилия для предотвращения получения кредита².

Получение кредита путем предоставления заведомо ложных сведений, не повлекшее причинение ущерба, не достигает той степени общественной опасности, которая должна быть присуща преступлениям. А поэтому согла-

¹ См.: Уголовный кодекс ФРГ. М., 1996. С. 153–154.

² Там же.

шаемся с российским законодателем, который разрешает подобные ситуации в гражданско-правовом или административном порядке. Установить уголовную ответственность за несообщение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации информации о возникновении обстоятельств, которые могут повлечь приостановление или прекращение кредитования, предлагается и российскими учеными¹. Полагаем, что данную точку зрения можно считать вполне обоснованной при условии, что несообщение информации о возникновении обстоятельств, которые могут повлечь приостановление или прекращение кредитования, имеет место до принятия решения банком или иным кредитором о выдаче кредита или предоставлении льготных условий кредитования.

Параграф 264 Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии «Получение субсидии путем мошенничества» предусматривает ответственность за обманное получение платежей из общественных средств на основе федеральных или земельных норм или по праву Европейского Сообщества предприятиями или организациями, когда эти платежи осуществляются без встречного рыночного исполнения обязательств и должны служить потребностям экономики страны². По мнению А. А. Сапожкова, данная норма имеет определенное сходство с ч. 2 ст. 176 УК РФ³. Некоторые российские ученые предлагают расширить действие ст. 176 УК РФ, предусмотрев в ней уголовную ответственность в том числе и за незаконное получение субсидий⁴, либо включить в УК РФ ст. 176¹ аналогичного содержания⁵. На наш взгляд, в подобных изменениях УК РФ нет необходимости по следующей причине. В соответствии с гражданским законодательством РФ субсидия – это пособие, предоставляемое государством за счет средств государственного или местного бюджетов, а также специальных фондов. Субсидиарные средства, в отличие от кредита, предоставляются на безвозмездной и безвозвратной основе, а поэтому случаи незаконного получения субсидий, например, путем предоставления заведомо ложных сведений, следует рассматривать как преступление против собственности и квалифицировать по ст. 159 УК РФ как мошенничество.

Законодатель ФРГ не предусмотрел уголовную ответственность за уклонение от погашения кредиторской задолженности. Ответственность должников наступает в соответствии с нормами раздела 24 УК ФРГ «Преступные деяния, связанные с банкротством».

¹ См.: *Маркизов Р. В.* Ответственность за преступления в сфере кредитных отношений по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 11–12.

² Там же. С. 150–151.

³ См.: *Сапожков А. А.* Указ. соч. С. 190.

⁴ См., например: *Рачков С. А.* Преступления в сфере кредитных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 10.

⁵ См., например: *Маркизов Р. В.* Указ. соч. С. 11.

В ст. 297 Уголовного кодекса Польши, принятого 6 июня 1997 г., как и в УК ФРГ, установлена уголовная ответственность за два вида деяния:

– представление лицом с целью получения для себя или другого лица кредита, банковской ссуды, кредитного поручительства, дотации, субвенции или публичного заказа фальшивых или подложных документов либо ложных письменных свидетельств, касающихся обстоятельств, имеющих существенное значение для получения такого кредита, банковской ссуды, кредитного поручительства, дотации, субвенции или публичного заказа;

– неуведомление лицом соответствующего органа или учреждения о возникновении обстоятельств, которые могут повлиять на приостановление или ограничение размера предоставления кредита, банковской ссуды, кредитного поручительства, дотации, субвенции или публичного заказа¹.

Стоит отметить, что деяния признаются преступными вне зависимости от наступления последствий. В параграфе 3 этой статьи, как и в УК Германии, содержится положение об освобождении от уголовной ответственности лиц, которые до начала уголовного преследования добровольно предотвратили использование кредита, банковской ссуды, полученных незаконным способом, либо удовлетворили притязания потерпевшего².

В ст. 300–302 Уголовного кодекса Польши предусмотрена ответственность должников за неправомерные действия, совершенные в отношении кредиторов. Опять же эти нормы связаны с понятием неплатежеспособности или банкротства. В частности, § 2 ст. 300 устанавливает наказание за срыв или уменьшение выполнения своих обязательств перед кредитором путем отчуждения, сокрытия, сбыта, дарения, уничтожения, повреждения составных частей своего имущества или заявления о мнимом обязательстве в отношении его либо путем уничтожения составных частей своего имущества, подвергнутого аресту или находящегося под угрозой ареста³.

В Уголовном кодексе Франции, принятом в июле 1992 г., так же, как и в УК Испании, нет специальных норм, предусматривающих ответственность за обманное получение кредитных средств. Для нашего исследования представляет интерес глава 3 УК Франции «О мошенничестве и сходных преступных деяниях». Так, ст. 313-1 устанавливает ответственность за мошенничество, под которым понимается «обман физического или юридического лица либо путем использования ложного имени или ложного статуса, либо путем злоупотребления действительным статусом, либо путем использования обманных приемов, с тем, чтобы побудить это лицо в ущерб себе или в ущерб третьим лицам передать денежные средства, ценные бумаги, материальные ценности или какое-либо иное имущество, предоставить услуги или совершить сделку, влекущую возникновение обязанности или освобождение от нее»⁴.

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Польша. СПб., 2001. С. 195.

² Там же. С. 195.

³ Там же. С. 199.

⁴ Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002. С. 295.

В отделе I УК Франции «О злоупотреблениях» можно выделить ст. 314-1, где устанавливается ответственность за злоупотребление доверием, которое имеет место в том случае, когда «...какое-либо лицо присваивает в ущерб другому лицу денежные средства, ценные бумаги, материальные ценности или любое другое имущество, которые ему были переданы и которые оно обязалось возвратить, предъявить или использовать определенным образом»¹. Полагаем, что деяния, описанные в диспозициях ч. 1 и 2 ст. 176 УК РФ, могут охватываться приведенными составами преступлений.

Часть 1 ст. 314-7 отдела III «Об искусственном создании неплатежеспособности» УК Франции предусматривает ответственность за организацию фиктивной неплатежеспособности. Наказуемыми признаются действия должника, которые даже до вынесения судебного решения констатируют его задолженность, выразившуюся в организации или увеличении своей неплатежеспособности либо путем увеличения пассивов или занижения активов, либо путем занижения или сокрытия всех или части своих доходов, либо путем сокрытия какого-либо имущества с целью уклонения от исполнения приговора имущественного характера, вынесенного судом по уголовным делам, или решения, вынесенного судом по гражданским делам о деликтах, квазиделиктах или алиментах². В ч. 2 той же статьи устанавливается ответственность за те же действия, совершенные юридическим или фактическим руководителем юридического лица, который организует или увеличивает его неплатежеспособность с тем, чтобы избежать денежных обязательств, вытекающих из приговора или решения по уголовным деликтным и квазиделиктным делам³. Полагаем, что указанная норма совмещает в себе и действия, перечисленные в ст. 177 УК РФ.

Примерный уголовный кодекс США⁴ разрабатывался с целью использования его как модельного закона для штатов. Он был создан на основе анализа и обобщения существующих правовых норм, а также положений уголовно-правовой доктрины⁵. Примерный уголовный кодекс США содержит статью, подобную содержащейся в параграфе 265-б УК ФРГ. Часть 6 ст. 224.7 «Обманные приемы коммерческой деятельности» устанавливает ответственность за «...ложное или вводящее в заблуждение письменное заявление с целью получить имущество или кредит»⁶. Анализ данной нормы позволяет сделать вывод о некотором ее сходстве с нормой, содержащейся в ч. 1 ст. 176 УК РФ. Однако, в отличие от ч. 1 ст. 176 УК РФ, рассматриваемый состав преступле-

¹ Уголовный кодекс Франции. С. 301.

² Там же. С. 304.

³ См.: Уголовный кодекс Франции. С. 304–305.

⁴ См.: Примерный уголовный кодекс США. Оригинальный проект Института американского права / под ред. Б. Е. Никифорова. М., 1969.

⁵ См.: *Козочкин И. Д.* Реформа американского уголовного права // Государство и право. 1993. № 9. С. 145.

⁶ Примерный уголовный кодекс США. С. 158.

ния сконструирован как формальный, т. е. для признания деяния преступлением необходимо и достаточно предоставить с целью получения кредита ложное или вводящее в заблуждение письменное заявление.

В разделе Примерного уголовного кодекса США «Подлог документа и обманные приемы» содержатся статьи, предусматривающие ответственность за обманные действия в отношении кредиторов. В частности, ст. 224.10 «Обман кредиторов по обеспеченному долгу» наказуемыми признает уничтожение, изъятие, обращение иным образом с этим имуществом с целью воспрепятствовать осуществлению такого интереса¹. Представляется, что деяние, предусмотренное ст. 177 УК РФ, может охватываться данным составом преступления.

В Соединенных Штатах Америки нет Федерального уголовного кодекса в его общепринятом понимании. Актом Конгресса США от 25 июня 1948 г. основная часть ранее действовавшего уголовного законодательства (УК 1909 г.), подвергнутая полной переработке, была в виде закона включена в часть 1 раздела 18 Свода законов США.

В ст. 1002 главы 46 «Мошенничество и ложные заявления» Свода законов США предусматривается ответственность за сознательное и с намерением совершить обман в отношении Соединенных Штатов или какого-либо его органа владение какими-либо ложными, поддельными или сфабрикованными документами с тем, чтобы другое лицо могло получить от Соединенных Штатов или какого-либо его органа, должностного лица или агента какую-либо сумму денег. Такие действия наказываются штрафом в 10 тыс. долларов или пятью годами тюрьмы. Представляется, что действия, перечисленные в ч. 2 ст. 176 УК РФ, могут подпадать под данную норму. Вновь обращает на себя внимание конструкция состава как формального.

Статья 1341 «Мошенничество и мошеннические действия» Свода законов США предусматривает уголовную ответственность за намерение совершить или совершение мошеннических операций с целью завладения деньгами или чужой собственностью, используя при этом обман или лживые факты и обещания.

В Своде законов США дифференцирована ответственность за мошеннические действия в зависимости от объекта уголовно-правовой охраны. Так, ст. 1344 предусматривает ответственность за мошеннические операции в банке, состоящие в завладении любыми денежными средствами, фондами, кредитами, активами, ценными бумагами или другим имуществом, находящимся во владении, или на попечении, или под контролем финансовой организации, путем представления заведомо ложных обещаний или фактов².

¹ См.: Примерный уголовный кодекс США. С. 160.

² См.: Уголовное право буржуазных стран: сборник законодательных актов / под ред. А. Н. Игнатова, И. Д. Козочкина. М., 1990; Уголовное право США: сборник нормативных актов / под ред. И. Д. Козочкина. М., 1986. С. 14–15; Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира: справ. М., 1993. С. 175–177.

Из уголовного законодательства отдельных штатов примечателен Уголовный кодекс штата Техас. Так, § 32.32 устанавливает ответственность за «ложные заявления с целью получения имущества или кредита». По смыслу этого параграфа к кредиту отнесены денежный заём, получение имущества или услуг в кредит, отсрочка обязательства, обеспечение обязательства по векселю и иному кредитному инструменту, кредитная линия, аккредитив и кредитная карта¹. На наш взгляд, расширение параметров предмета состава преступления в анализируемой норме представляется разумным и возможным для восприятия российским законодателем.

В английском уголовном праве предусматривается самостоятельный состав мошенничества, суть которого заключается в приобретении движимых вещей или денег путем введения в заблуждение относительно фактов. Этот состав распространяется и на такие действия, как выманивание составления или подписания ценных бумаг, добывание путем обмана кредита и побуждение посредством обмана к капиталовложению².

Итак, почти во всех рассмотренных уголовных законодательствах вопрос о противоправных деяниях с кредитами решается посредством применения понятия «мошенничество», которое трактуется в более широком смысле, чем в российском уголовном законодательстве.

В ст. 146 Уголовного кодекса Швейцарии 1937 г. предусматривается уголовная ответственность лиц, которые с целью незаконного обогащения вводят кого-либо в заблуждение путем утверждения фактов или их сокрытия и таким образом побуждают заблуждающегося к поведению, в результате которого заблуждающийся наносит ущерб себе или другому³. Действия, связанные с незаконным получением кредита, охватываются данной нормой.

В швейцарском праве уголовно наказуемыми являются действия против прав требования, относящиеся к взысканию долгов и банкротству. Во всех этих случаях речь идет о нарушении обязанностей, вытекающих из обязательств, однако исключительный характер этих действий подчеркивается двумя моментами: во-первых, они наказуемы только в том случае, если в отношении должника открыто конкурсное производство или составлен акт об обнаружении недостачи имущества (в отношении должников, не подлежащих конкурсу), и, во-вторых, караются только строго определенные законом, точно обрисованные действия⁴. Так, в частности, предусмотрена ответственность за мошенничество, связанное с наложением ареста на имущество должника, причинение ущерба кредитору путем уменьшения имущества, бесхозяйственности и др.

¹ См.: *Клепицкий И. А.* Кредитный обман в сравнительно-правовом аспекте // Законодательство. 2003. № 1. С. 41.

² *Грюнхут.* Английское уголовное право // Современное зарубежное уголовное право / под ред. А. А. Пионтковского. М., 1961. Т. 3. С. 330.

³ Уголовный кодекс Швейцарии. СПб., 2001. С. 56.

⁴ Цит. по: *Сапожков А. А.* Указ. соч. С. 197.

В соответствии со ст. 397 Уголовного кодекса Греции 1950 г. наказуемым является умышленное создание должником препятствий для полного или частичного удовлетворения кредитора¹. Кроме указанной статьи, в УК Греции представляет интерес ст. 358, где раскрыто понятие «злостности» уклонения, которое означает, что нарушение обязанности не было вызвано ни забывчивостью, ни отсутствием возможности выполнить эту обязанность².

В главе 29 «Другие преступления против имущества» Уголовного кодекса Дании 1930 г. представляет интерес § 298, в котором идет речь о действиях, подобных мошенничеству, но в целом сходных с незаконным получением кредита по российскому уголовному законодательству. Наказанию подлежит тот, кто путем дачи ложных сведений о своей платежеспособности получает для себя или других ссуды, займы или кредиты, в результате чего возникает имущественный ущерб³. Следует акцентировать внимание на двух моментах. Во-первых, в качестве предмета анализируемого состава преступления выступает не только кредит, но и заём, ссуда. Во-вторых, по конструкции рассматриваемый состав – материальный.

Кроме того, § 300 УК Дании устанавливает ответственность за действия должника, которыми он существенно ухудшает свое имущественное положение путем заключения новых долгов, платит по крупным долгам, по которым срок не наступил, или обеспечивает такие долги, причем все это должник делает в тот момент, когда он узнал или должен был узнать о том, что он не в состоянии удовлетворить своих кредиторов. Наказуемость наступает и в случае, если должник причиняет ущерб кредиторам расточительством, игрой, легкомысленным поведением⁴.

Действующее уголовное законодательство Нидерландов насчитывает уже более ста лет, Уголовный кодекс был введен в действие в 1886 г. Ответственность лиц, завладевающих чужим имуществом посредством введения в заблуждение, устанавливается путем использования термина «обман», которым назван раздел 25 УК. Следующий за ним раздел 26 «Причинение ущерба кредиторам или уполномоченным лицам» содержит статьи об ответственности за преступления, связанные с банкротствами⁵.

Уголовный кодекс Швеции не содержит специальных статей, предусматривающих ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. Однако по ч. 1 ст. 1 главы 9 «О мошенничестве и другом бесчестном поведении» могут быть квалифицированы действия лиц, которые путем обмана склоняют кого-либо

¹ См.: *Гафос Илиас*. Греческое уголовное право // Современное зарубежное уголовное право / под ред. А. А. Пионтковского. Т. 3. С. 560–561.

² Там же. С. 490.

³ См.: Уголовный кодекс Дании. СПб., 2001. С. 218–219.

⁴ Там же. С. 220.

⁵ См.: Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2001. С. 401–419.

совершить деяние, влекущее выгоду для них и убытки для обманутого¹. Деяние, закрепленное в ст. 176 УК РФ, может охватываться указанной нормой. Ответственность же должников предусматривается в главе 11 «О преступлениях против кредиторов», где во всех статьях используется термин «банкротство»². Например, согласно ст. 1 лицо, которое, будучи банкротом или находящееся в очевидной опасности стать банкротом, разрушает, дарит или иным образом распоряжается имуществом значительной стоимости, должно быть приговорено к тюремному заключению.

В контексте данного исследования считаем целесообразным уделить определенное внимание анализу законодательства стран – участников Содружества Независимых Государств и других стран, образовавшихся после распада СССР, предусматривающего уголовную ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности.

Распад СССР заставил страны, входившие в него ранее, вплотную заняться национальным законодательством, в том числе и уголовным, учитывая прошлый опыт и требования нового времени. Для некоторых национальных уголовных кодексов основой явился Модельный Уголовный кодекс для стран – участниц Содружества Независимых Государств³.

Модельный Уголовный кодекс включил две статьи, предусматривающие ответственность за деяния, схожие с незаконным получением кредита (ст. 176 УК РФ) и злостным уклонением от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ).

Так, ст. 259 Модельного Уголовного кодекса «Незаконное получение кредита» признает наказуемым «получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита, дотаций либо льготных условий кредитования путем предоставления банку или иному кредитному учреждению заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации или об иных обстоятельствах, имеющих существенное значение для получения кредита, дотаций, льготных условий кредитования, а равно несообщение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации информации о возникновении обстоятельств, могущих повлечь прекращение кредитования, дотирования, отмену льгот либо ограничение размеров выделенного кредита либо дотации, если это деяние причинило крупный ущерб (при отсутствии признаков хищения чужого имущества)»⁴. Необходимо акцентировать внимание на следующих отличительных моментах:

¹ См.: Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2001. С. 73.

² Там же. С. 89.

³ Цит. по: Сапожков А. А. Указ. соч. С. 180.

⁴ Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ // Правоведение. 1996. № 1. С. 92–150.

– рассматриваемый состав преступления, как и состав, предусмотренный в ч. 1 ст. 176 УК РФ, сформулирован как материальный;

– Модельный УК не включает специальную норму, предусматривающую уголовную ответственность за незаконное получение государственного целевого кредита, а равно за использование его не по прямому назначению, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству;

– по смыслу ст. 259 Модельного УК основания для привлечения к уголовной ответственности шире, чем в ч. 1 ст. 176 УК РФ. В частности, наказуемым признается также несообщение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации информации о возникновении обстоятельств, могущих повлечь прекращение кредитования, дотирования, отмену льгот либо ограничение размеров выделенного кредита либо дотации, если это деяние причинило крупный ущерб;

– в качестве предмета состава преступления в ст. 259 Модельного УК выступает не только кредит и льготные условия кредитования, но и дотации;

– в ст. 259 Модельного УК ограничивается круг субъектов потерпевшей стороны. В диспозиции анализируемой нормы идет речь о предоставлении заведомо ложных сведений банку или *иной кредитной организации*, а не банку или *иному кредитору*, как в ч. 1 ст. 176 УК РФ.

Статья 260 Модельного УК «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» признает наказуемым уклонение руководителя организации или гражданина от погашения по вступившему в законную силу судебному решению кредиторской задолженности в крупном размере¹. Данная норма, в отличие от ст. 177 УК РФ, не предусматривает ответственности за уклонение от оплаты ценных бумаг, в ней нет указания на «злостный» характер уклонения.

Следует отметить, что некоторые страны – участницы СНГ избрали собственную трактовку для соответствующих составов преступлений.

В частности, Уголовный кодекс Украины, вступивший в законную силу с 1 сентября 2001 г., включает ст. 222 «Мошенничество с финансовыми ресурсами», которая предусматривает уголовную ответственность за представление гражданином-предпринимателем или учредителем либо собственником субъекта хозяйственной деятельности, а также должностным лицом субъекта хозяйственной деятельности заведомо ложной информации органам государственной власти, органам власти Автономной Республики Крым или органам местного самоуправления, банкам или другим кредиторам с целью получения субсидий, субвенций, дотаций, кредитов либо льгот по налогам при отсутствии признаков преступлений против собственности. Часть 2 ст. 222 УК Украины предусматривает ответственность за те же действия, но причинившие

¹ См.: Приложение к «Информационному бюллетеню» МПА государств – участников СНГ. 1996. № 10; Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ. С. 92–150.

крупный материальный ущерб государству либо кредитору, или если они совершены повторно¹.

Следует отметить, что рассматриваемая норма содержит указание на более широкий круг субъектов анализируемого преступления. В частности, субъектом преступления, предусмотренного ст. 222 УК Украины, может быть не только индивидуальный предприниматель и руководитель организации, как в ч. 1 ст. 176 УК РФ, но и учредитель, собственник, а также должностное лицо субъекта хозяйственной деятельности.

В отличие от УК РФ, УК Украины не предусматривает ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. Однако ч. 1 ст. 382 этого УК признает наказуемыми неисполнение должностным лицом приговора, решения, определения, постановления суда, вступивших в законную силу, или воспрепятствование их исполнению.

Анализируя Уголовный кодекс Республики Беларусь, следует уделить внимание ст. 237 «Выманивание кредита или дотаций», которая предусматривает ответственность предпринимателя или должностного лица юридического лица за «представление в целях получения кредита либо льготных условий кредитования или выделения дотаций заведомо ложных документов и сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для получения кредита или дотации, либо умышленное несообщение предпринимателем либо должностным лицом организации кредитору или органу, выделившему дотацию, информации о возникновении обстоятельств, влекущих приостановление кредитования или дотирования...»². Опять же привлекает внимание расширение круга субъектов анализируемого состава преступления. Кроме того, законодатель Республики Беларусь в ст. 237 криминализировал и бездействие субъекта уже после законного начала процедур получения кредита или дотаций в случае несообщения информации о возникновении обстоятельств, влекущих приостановление кредитования или дотирования. По конструкции рассматриваемый состав – формальный.

Часть вторая данной статьи предусматривает ответственность за те же деяния, но совершенные с целью получения государственного целевого кредита либо повлекшие причинение ущерба в особо крупном размере³.

УК Республики Беларусь содержит ст. 242, которая предусматривает ответственность за «уклонение индивидуального предпринимателя или должностного лица юридического лица от погашения по вступившему в законную силу судебному решению кредиторской задолженности в крупном размере при наличии возможности выполнить обязанность...»⁴. Однако в ст. 242 УК Республики Беларусь не предусмотрена ответственность за уклонение от погашения ценных бумаг.

¹ См.: Уголовный кодекс Украины. СПб., 2001. С. 197–198.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001. С. 288–289.

³ Там же. С. 289.

⁴ Там же. С. 291.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 г. не устанавливает ответственность непосредственно за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. По мнению А. А. Сапожкова, возникающие проблемы решаются при помощи существующих уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против собственности¹.

Статья 184 Уголовного кодекса Кыргызской Республики «Незаконное получение кредита» дублирует диспозицию ч. 1 ст. 176 УК РФ. Часть 2 ст. 184 УК КР предусматривает ответственность за незаконное получение государственного целевого кредита. Нецелевое использование государственного кредита выделено в отдельную статью (ст. 185).

Имеется в Уголовном кодексе Кыргызской Республики и статья, подобная ст. 177 УК РФ. Однако ни в названии статьи, ни в ее диспозиции нет понятия «злостности» уклонения от погашения кредиторской задолженности².

В Уголовном кодексе Республики Казахстан ответственность за незаконное получение кредита предусмотрена ст. 194 «Незаконное получение и нецелевое использование кредита». По ч. 1 данной статьи квалифицируется получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита, дотаций либо льготных условий кредитования путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении, финансовом состоянии или залоговом имуществе индивидуального предпринимателя или организации или об иных обстоятельствах, имеющих существенное значение для получения кредита, дотаций, льготных условий кредитования, а равно несообщение банку или иному кредитору информации о возникновении обстоятельств, могущих повлечь прекращение кредитования, дотирования, отмену льгот либо ограничение размеров выделенного кредита или дотаций, если эти деяния причинили крупный ущерб.

По ч. 2 признается наказуемым использование государственного целевого кредита либо кредита, выданного под гарантии государства, не по прямому назначению, если это деяние причинило крупный ущерб гражданину, организации или государству³.

Есть в УК Республики Казахстан и аналог ст. 177 УК РФ, но в диспозиции статьи нет указания на злостное уклонение от оплаты ценных бумаг⁴.

Законодатель Азербайджанской Республики в Уголовном кодексе, вступившем в силу с 1 сентября 2000 г., предусмотрел ответственность и за незаконное получение кредита, и за уклонение от погашения кредиторской задолженности.

¹ См.: Сапожков А. А. Указ. соч. С. 186.

² См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб., 2002. С. 50–51.

³ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2001. С. 220–221.

⁴ Там же. С. 223.

Так, ч. 1 ст. 195 УК Азербайджанской Республики признает наказуемым получение руководителем организации или индивидуальным предпринимателем кредита, кредита на льготных условиях либо целевого государственного кредита путем предоставления заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии организации или индивидуального предпринимателя, а равно использование кредита не по назначению, если это деяние причинило значительный ущерб¹. Таким образом, в ч. 1 ст. 195 УК Азербайджанской Республики фактически объединены обе части ст. 176 УК РФ. Кроме того, последствие в ч. 1 ст. 195 выражено понятием «значительный ущерб», а причинение «крупного ущерба» охватывается квалифицированным составом, предусмотренным ч. 2 анализируемой статьи.

Статья 196 УК Азербайджанской Республики предусматривает ответственность за умышленное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного решения, причинившее значительный ущерб (ч. 1), а также за то же деяние, причинившее крупный ущерб (ч. 2)². Таким образом, основной и квалифицированный составы рассматриваемого преступления по конструкции – материальные. Термин «злостное уклонение» изменен на термин «умышленное уклонение».

Уголовный кодекс Грузии, который был принят в 1999 г., включает главу 27 «Преступления в денежно-кредитной системе». Части 1 и 2 статьи 208 УК Грузии «Незаконное получение кредита» в целом построены по подобию ч. 1 и 2 ст. 176 УК РФ, только последствие в обеих частях определяется термином не «крупный ущерб», а «существенный ущерб»³. Ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в данном УК не предусмотрена.

Из уголовных законодательств прибалтийских государств бывшего СССР представляет интерес Уголовный кодекс Латвийской республики, действующий с 1 апреля 1999 г. Статья 210 «Недобросовестное получение и использование кредита и других займов» включает две части. Часть 1 анализируемой статьи устанавливает ответственность за предоставление заведомо ложных сведений с целью получения субсидий, кредита или иных займов для осуществления предпринимательской деятельности или во время использования субсидий, кредита или других займов. Опять же, предмет преступления трактуется достаточно широко. А в части 2 этой же статьи предусмотрена ответственность за нарушение договорных обязательств при использовании субсидий, кредита и иных займов. Данные составы преступлений сформулированы как формальные. Часть 3 устанавливает ответственность за те же дея-

¹ См.: Уголовный кодекс Азербайджанской республики. СПб., 2001. С. 212.

² Там же. С. 213–214.

³ Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. С. 238–239.

ния, если они причинили существенный вред государству, кредитору или охраняемым законом правам и интересам другого лица. Легального толкования термина «существенный вред» в УК Латвийской республики не содержится¹.

УК Латвийской республики не предусматривает ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. Однако подобное деяние может подпадать под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 296 этого УК «Умышленное неисполнение или воспрепятствование исполнению приговора или решения суда».

Сравнение уголовно-правовых норм, посвященных наказуемости деяний, состоящих в незаконном получении кредита и уклонении от погашения кредиторской задолженности, позволяет заключить следующее.

Анализ зарубежного законодательства, предусматривающего специальные нормы о деяниях, связанных с незаконным получением кредита и злостным уклонением от погашения кредиторской задолженности, свидетельствует об определенной тождественности подходов к формулированию соответствующих диспозиций. Содержащиеся в уголовном законодательстве зарубежных стран нормы имеют свои преимущества: они охватывают максимально широкий спектр подобных деяний.

На основании проведенного сравнительного исследования, с учетом специфики российского законодательства и потребностей современного общества в борьбе со злоупотреблениями в сфере кредитования, считаем целесообразным воспринять позитивные, на наш взгляд, моменты и осуществить следующие шаги: расширить предмет преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, расширить категории лиц, которые могут выступать в качестве субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ. Обоснование целесообразности данных предложений будет приведено в ходе нашего дальнейшего исследования.

¹ См.: Уголовный кодекс Латвийской Республики. СПб., 2001. С. 210–212.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА И ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

§ 1. Особенности объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 176 УК РФ

Состав преступления – это «совокупность признаков общественно опасного деяния, определяющих его, согласно уголовному закону, как преступное и уголовно наказуемое»¹. Под признаком состава преступления понимается обобщенное юридически значимое свойство, присущее всем преступлениям данного вида². Признаки, образующие состав преступления, при теоретическом анализе группируются по следующим элементам состава: 1) объект преступления; 2) объективная сторона преступления; 3) субъективная сторона преступления; 4) субъект преступления.

Согласно общепринятой точке зрения, объектом преступления признаются общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым преступлением причиняется вред либо создается угроза причинения вреда³, а предметом являются вещи материального мира или интеллектуальные ценности, непосредственным воздействием на которые виновный причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны. Для выделения предмета необходимо более четко уточнить значение слова «воздействие». По мнению Г. П. Новоселова, под воздействием следует понимать «не только физический контакт, но и все иные формы незаконного обращения виновного с предметом преступления»⁴.

Объект является обязательным элементом состава преступления, т. е. его наличие необходимо при выявлении основания уголовной ответственности. На уровне объекта как элемента состава преступления выделяют предмет преступления. Его обязательность зависит от содержания конкретной уголовно-правовой нормы, потому он называется факультативным (дополнительным). В ряде преступлений предмет является обязательным признаком состава. Такие преступления называются предметными.

Точное определение параметров и содержания предмета преступления важно, потому что между предметом и объектом преступления существует неразрывная связь, без установления которой невозможно определить содержание состава преступления в целом. Так, В. Григорьев считает, что «правильное установление предмета преступлений необходимо для выяснения

¹ Цит. по: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 59.

² См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. М., 2007. С. 53.

³ См.: Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. проф. А. И. Рарога. М., 2006. С. 71.

⁴ Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 52.

сущности объекта посягательства и его конкретизации...»¹. Возможно, именно из-за того, что вопрос о предмете преступлений в сфере кредитования не подвергался достаточно глубокому исследованию, в отечественном уголовном праве высказываются различные точки зрения относительно того, какие общественные отношения являются объектом преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ.

Так, к примеру, Б. В. Волженкин считает, что непосредственным объектом, страдающим от преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 176 УК РФ, являются имущественные интересы кредиторов². Такое определение в целом можно принять, однако наряду с незаконным получением кредита к данному виду преступлений Б. В. Волженкин относит и норму ст. 177 УК РФ, и преступления, связанные с банкротством (ст. 195–197 УК РФ)³.

По мнению Т. О. Кошаевой и В. М. Мельниковой, преступление, предусмотренное ст. 176 УК РФ, посягает на отношения в сфере банковской деятельности⁴. Это определение ограничивает сферу применения данной нормы только деятельностью банков и кредитных организаций, что в силу толкования ст. 176 УК РФ неверно.

И. А. Клепицкому представляется, что ст. 176 УК РФ направлена на охрану кредитных отношений, т. е. таких отношений, которые возникают в сфере экономической деятельности и основаны на доверии, в силу которого одна из сторон, исполнив обязательство (или имея право требования к должнику на каких-либо основаниях), соглашается ждать исполнения обязательства должником⁵.

По мнению Н. А. Лопашенко, объектом незаконного получения кредита являются общественные отношения по реализации принципа добропорядочности субъектов экономической деятельности⁶.

Анализируя объект данного преступления, П. С. Яни пришел к выводу, что статья о незаконном получении кредита находится даже не в той главе Особенной части и ее необходимо поместить в главу о преступлениях против собственности⁷. По мнению А. А. Сапожкова, рассматриваемая норма была бы в главе о преступлениях против собственности инородной, т. к. эта глава является собранием не специальных, а унифицированных составов преступлений, отражающих отношения собственности как основного непосредственного объекта. Норма же ст. 176 УК РФ выделена специально для охраны

¹ Григорьев В. Предмет налоговых преступлений // Уголовное право. 2004. № 1. С. 18.

² См.: Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 337.

³ Там же. С. 355, 366–367.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ. М., 1996. С. 53.

⁵ См.: Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 350.

⁶ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2008. С. 477.

⁷ См.: Яни П. С. Экономические и служебные преступления. М., 1997. С. 42–43.

отношений в сфере кредитования, и отношения собственности – лишь дополнительный непосредственный объект для нее¹.

Зависимость объекта преступления от предмета обусловлена тем, что предмет незаконного получения кредита является обязательным признаком состава на уровне объекта. Обязательность предмета основана на прямом его закреплении в диспозиции ст. 176 УК РФ. Это значит, что наличие признаков предмета необходимо при определении основания уголовной ответственности. В контексте проводимого исследования представляется целесообразным первоочередное рассмотрение предмета незаконного получения кредита с последующим определением объекта – круга общественных отношений, которым причиняется вред в результате преступного воздействия виновного на предмет посягательства.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 176 УК РФ, проявляется в незаконном получении кредита либо льготных условий кредитования. Таким образом, кредит и льготные условия кредитования следует признать предметом рассматриваемого преступления.

Г. А. Тосунян, А. Ю. Викулин, А. М. Экмалян дают следующее определение понятия «кредит»: «Кредит – это денежные средства или другие вещи, определенные родовыми признаками, передаваемые (либо предназначенные к передаче) в процессе кредитования в собственность другой стороне в размере и на условиях, предусмотренных договором, в результате чего между сторонами возникают кредитные отношения»².

В юридической литературе термин «кредит» нередко употребляется в широком значении, выходящем далеко за пределы сферы кредитного договора.

Глава 42 ГК РФ названа «Заем и кредит». В § 1 этой главы, озаглавленной «Заем», содержатся общие положения о договоре займа, § 2 «Кредит» посвящен банковскому кредиту, а § 3 «Товарный и коммерческий кредит» – товарному и коммерческому кредиту. Такая система гл. 42 ГК РФ дает основание правоведам узко трактовать понятие «кредит» в качестве кредита исключительно банковского, делая при этом выводы относительно того, что товарный и коммерческий кредит кредитом не являются³.

Действительно, § 2 гл. 42 ГК РФ, который носит название «Кредит», не содержит необходимого нормативного определения, а лишь ограничивается формулировками, раскрывающими содержание соответствующего договора. Однако ГК РФ прямо называет коммерческий и товарный кредит именно кредитом и никак иначе, а потому категория «кредит» включает в себя три понятия: кредит (банковский кредит), товарный кредит, коммерческий кредит.

¹ См.: Сапожков А. А. Указ. соч. С. 45.

² См.: Тосунян Г. А., Викулин А. Ю., Экмалян А. М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под общ. ред. акад. Б. Н. Топорина. М., 1999. С. 189.

³ См., напр: Кобзев П. А. Квалификация преступлений, совершаемых в сфере финансово-кредитной деятельности путем обмана и (или) злоупотребления доверием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 9.

Надо полагать, что под действие ст. 176 УК РФ и подпадают отношения, вытекающие из заключения кредитного договора и его разновидностей: банковского, товарного и коммерческого кредитов. Как верно отмечает И. А. Клепицкий, именно в пользу широкого понимания кредита свидетельствует и ст. 176 УК РФ, в которой указывается на представление ложных сведений «банку или иному кредитору». В противном случае в законе следовало бы указать не на «банк или иного кредитора», а на кредитную организацию¹.

Рассмотрим несколько подробнее указанные виды кредитов.

Содержащиеся в ГК РФ дефиниции понятий позволяют сделать вывод, что под банковским кредитом законодатель в ст. 819 ГК РФ понимает исключительно денежные средства (как в наличной, так и в безналичной форме). Данные кредитные отношения выделяет то обстоятельство, что их неизменным и основным участником (субъектом) является банк или иная кредитная организация. По кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуется предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за нее (ст. 819 ГК РФ). Банковское кредитование является возмездным. За предоставленные кредиты банки взимают плату в виде процентов, которые указываются в кредитных договорах.

Понятием кредита, как было сказано ранее, определяются и те отношения, которые в ГК РФ (ст. 822) квалифицируются как товарный кредит.

Под товарным кредитом в гражданском праве подразумевается конкретный договор, предусматривающий обязанность одной стороны предоставить другой стороне вещи, определенные родовыми признаками, а последняя обязуется возвратить аналогичное количество вещей того же рода и качества в срок, предусмотренный договором (договор товарного кредита).

Следует отметить, что в качестве товарного кредита не могут выступать права на вещи и индивидуально-определенные вещи, т. к., согласно ст. 822 ГК РФ, кредитор обязуется передать вещи, определенные родовыми признаками. Если в качестве предмета в договоре фигурируют вещи, обладающие индивидуальными признаками, то в таких случаях целесообразно использовать механизм договоров ссуды (гл. 36 ГК РФ), аренды с правом выкупа (ст. 624 ГК РФ) или финансовой аренды (лизинга) (§ 6 гл. 34 ГК РФ), которые наиболее полно отвечают данным хозяйственным отношениям. Предметом договора товарного кредита не могут быть также и денежные средства, что следует из понятия института «товарный кредит».

Следующей разновидностью кредитного договора является коммерческий кредит. Обязательство коммерческого кредита может быть предусмотрено всяким гражданско-правовым договором, исполнение которого связано с передачей в собственность другой стороне денежных сумм или других ве-

¹ См.: Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. С. 352.

щей, определенных родовыми признаками, в том числе в виде аванса, предварительной оплаты, отсрочки и рассрочки оплаты товаров, работ или услуг (ст. 823 ГК РФ)¹. Как верно замечает Л. Г. Ефимова, появление в ГК РФ категории «коммерческий кредит» «не привело к поглощению основного обязательства кредитными отношениями. Правоотношения по коммерческому кредитованию существуют параллельно с основным обязательством (по поставке товаров, выполнению работ, оказанию услуг) в рамках заключенного сторонами договора, превращая последний в смешанный»². Действительно, обязательство коммерческого кредита не имеет форму отдельного договорного правоотношения, а возникает в тех гражданско-правовых договорах (не затрагивая их существа), исполнение которых связано с передачей в собственность другой стороне денежных средств или других вещей, определяемых родовыми признаками, при том условии, что одна из сторон такого договора предоставляет свое исполнение контрагенту как бы в кредит, с отсрочкой предусмотренного договором встречного исполнения со стороны этого контрагента.

В ст. 823 ГК РФ названы типичные виды коммерческого кредита: аванс, предварительная оплата, отсрочка или рассрочка оплаты товаров, работ или услуг.

Под авансом понимается денежная сумма, выдаваемая вперед в счет предстоящих платежей³. В отличие от задатка аванс не носит обеспечительного характера.

Предварительная оплата – полная или частичная оплата товара до его передачи продавцом в срок, установленный договором⁴. Следует отметить, что каких-либо различий между авансом и предварительной оплатой не существует. Понятие «аванс» указывает на отсутствие обеспечительного свойства, а «предварительная оплата» – на необходимость первоочередной передачи денежных средств до передачи товара, выполнения работы, оказания услуги.

Отсрочка платежа – способ погашения задолженности, при котором ее внесение в полной сумме переносится на срок более поздний, чем предусмотрено договором.

Рассрочкой платежа считается такой способ оплаты товаров, работ или услуг, при котором платеж распределяется на несколько сроков.

Представляется, что именно эти своеобразные виды коммерческого кредита и будут выступать в качестве предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ.

Не вызывает сомнений, что категорией «кредит» (не в правовом, а в экономическом смысле) охватываются и вексельные правоотношения. Напри-

¹ См.: *Витрянский В. В.* Кредитный договор. Понятие, порядок заключения и исполнения. М., 2005. С. 11.

² *Ефимова Л. Г.* Банковские сделки: право и практика. М., 2002. С. 496.

³ См.: *Румянцева Е. Е.* Новая экономическая энциклопедия. М., 2005. С. 1–2.

⁴ Там же. С. 406.

мер, Е. А. Токарев пишет, что вексельное право регулирует отношения, которые по своей экономической сути являются кредитными. Их сущность проявляется не в платеже по истечении отсрочки, а в самом факте отсрочки платежа. Следовательно, кредитные отношения складываются в тот момент, когда была предоставлена отсрочка платежа, т. е. в момент выдачи векселя¹.

Е. А. Суханов указывает: «Поскольку обычно векселя выдаются вместо уплаты сумм за полученные вещи, произведенные работы или оказанные услуги, т. е. по существу являются формой отсрочки уплаты денег (кредита в экономическом смысле), гражданский кодекс обоснованно рассматривает вексельное обязательство как одну из разновидностей обязательств, вытекающих из договора займа...»².

Отношения, связанные с выпуском и продажей облигаций также подпадают под понятие кредита (в экономическом смысле). Однако и в этом случае речь идет не о кредите (в правовом смысле), а об определенных договорах, представляющих собой отдельные виды договора займа: договора облигационного займа и договора государственного (муниципального) займа. Видообразующими признаками данных договоров, выделяющими их в отдельные виды договора займа, являются особенности порядка заключения и формы указанных договоров. Эти договоры заключаются путем выпуска и продажи облигаций. Характерно, что содержащиеся в ГК РФ (ст. 816 и 817) нормы о договоре облигационного займа и договоре государственного (муниципального) займа исключают какую-либо возможность применения к соответствующим правоотношениям правил о кредитном договоре. Следовательно, с правовых позиций отношения, связанные с выдачей векселя и выпуском и продажей облигаций, не могут быть квалифицированы в качестве разновидности кредита, а потому не являются признаком состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ.

Таким образом, категория «кредит», применяемая в диспозиции нормы, предусматривающей ответственность за незаконное получение кредита (ч. 1 ст. 176 УК РФ) представляет собой некое обобщенное понятие, обозначающее все виды банковского, товарного и коммерческого кредитования.

Все три названных вида договорных обязательств, для обозначения которых используется термин «кредит», представляют собой отдельные виды заемных обязательств, выделяемых по признаку наличия некоторых особенностей (видообразующих признаков) по отношению к договору займа. «Договор займа... сохраняет значение общей модели, по которой строится регулирование всех кредитных отношений»³.

¹ См.: Токарев Е. А. Правовое регулирование кредитных денежных отношений, связанных с использованием векселей. Томск, 2003. С. 70.

² Гражданское право: В 2 т. Т. 2. Полутом 2: учебник / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 204 (автор гл. 49 «Договоры займа и кредита и финансирования под уступку денежного требования» – Е. А. Суханов).

³ Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 2003. Ч. 2. С. 427.

Так, например, для кредитного договора характерны два видообразующих признака: его консенсуальный характер и обязательное участие банка на стороне кредитора; для договора товарного кредита – лишь его консенсуальный характер; обязательство коммерческого кредита выделяет в отдельный вид заемного обязательства лишь то обстоятельство, что оно не приобретает форму отдельного договора, а возникает в иных гражданско-правовых договорах.

В тех случаях, когда указанные договорные обязательства теряют свои видообразующие признаки, они должны квалифицироваться как договор займа, и, соответственно, применение нормы, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное получение кредита, в подобных ситуациях исключается, что, по нашему мнению, неправильно.

В качестве иллюстрации подхода судебной практики к квалификации подобных договоров можно привести одно из дел, рассмотренных в порядке надзора Президиумом Высшего арбитражного суда Российской Федерации. В процессе судопроизводства кредитный договор, заключенный между ЗАО – финансовой корпорацией и фондом приватизации, был трансформирован в договор займа по следующей причине. Согласно оспариваемому договору фонд предоставлял денежные средства на возвратной основе под проценты, которые взимаются с даты зачисления денег на счет финансовой корпорации. Это указывает на возникновение обязательств сторон не с момента подписания договора, как предусмотрено ст. 819 ГК РФ в отношении кредита, а с момента передачи денег, что характерно для договора займа¹.

Если же стороны, заключая договор товарного кредита (ст. 822 ГК РФ), оговаривают условие о том, что он вступает в силу лишь с момента предоставления кредитором контрагенту предусмотренного договором количества вещей, определенных родовыми признаками, а не с момента подписания договора (что характерно для кредитного договора), указанный договор также должен быть квалифицирован как договор займа. В данной ситуации утрачивается видообразующий признак договора товарного кредита – его консенсуальный характер.

Обязательство коммерческого кредита также может быть трансформировано в договор займа при утрате соответствующего видообразующего признака, а именно, своей принадлежности к иным гражданско-правовым договорам, исполнение которых связано с передачей в собственность другой стороне денежных сумм или других вещей, определенных родовыми признаками, и которые предусматривают предоставление кредита, в том числе в виде аванса, предварительной оплаты, отсрочки и рассрочки оплаты товаров, работ или услуг (ст. 823 ГК РФ). Если соответствующее обязательство, первоначально возникшее из такого договора, будет оформлено сторонами догово-

¹ Постановление Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 11 июля 2002 г. № 441/02 // СПС «Гарант».

ра отдельным соглашением, то последнее должно быть признано не чем иным, как новацией долга в заемное обязательство (ст. 818, а также ст. 414 ГК РФ)¹.

На основании вышесказанного, нам представляется целесообразным установить уголовную ответственность не только за незаконное получение кредита (банковского, товарного, коммерческого), но и за незаконное получение иного вида займа. Учитывая отсутствие необходимой дефиниции в гражданском законодательстве, а также для ликвидации разногласий, касающихся толкования данного термина, предлагаем включить в данную норму примечание следующего содержания: «Под кредитом в настоящей статье понимаются банковский, коммерческий, товарный кредит, иные виды займа».

В данном случае применима позиция отдельных ученых и самого законодателя в части того, что если определение термина, значение которого надо установить, дается в иных нормативно-правовых актах (гражданском, банковском, валютном и другом законодательстве), то этот термин следует использовать только в значении, установленном этим законодательством. Исключение здесь составляют случаи, когда УК РФ специально указывает на иное значение того или иного термина.

Как отмечалось выше, в качестве предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК, помимо кредита выступают и льготные условия кредитования.

В соответствии со ст. 426 Гражданского кодекса РФ, цена товаров, работ и услуг, а также иные условия публичного договора устанавливаются одинаковыми для всех потребителей за исключением случаев, когда законом и иными правовыми актами допускается предоставление льгот для отдельных категорий потребителей.

В общем смысле под льготными условиями кредитования понимаются более выгодные условия, которые банк или иной кредитор предлагает неопределенному количеству лиц.

Единого мнения по поводу того, какие именно условия кредитования относятся к льготным, на сегодняшний день нет.

Так, А. Э. Жалинский под льготными понимает такие условия кредитования, которые, согласно соответствующим нормативно-правовым актам, предоставляются только при наличии на стороне заемщика обстоятельств, обуславливающих льготы. По его мнению, не являются льготными условиями в смысле данной статьи льготы, предоставленные банком в пределах свободы кредитного договора по усмотрению кредитора². Той же точки зрения в своем диссертационном исследовании придерживается и Я. С. Васильева, которая

¹ См.: *Витрянский В. В.* Указ. соч. С. 17.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 1996. С. 180.

утверждает, что обстоятельства, обуславливающие льготы, должны быть закреплены нормативно-правовыми актами¹. Однако какими именно нормативно-правовыми актами предусматриваются льготные условия кредитования, приведенные авторы не указывают.

По мнению В. Д. Ларичева, данное положение является принципиально неверным. Он утверждает, что льготные условия кредитования – это льготы, предоставляемые банком по собственному усмотрению в пределах свободы кредитного договора, например, доверительная выдача кредита (без обеспечения или при неполном обеспечении)².

По нашему мнению, это утверждение является более обоснованным, поскольку, в соответствии со ст. 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»³, процентные ставки по кредитам, вкладам (депозитам) и комиссионное вознаграждение по операциям устанавливаются кредитной организацией по соглашению с клиентом, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Однако, как нам представляется, не все условия конкретного договора могут быть отнесены к льготным. К таковым следует причислить лишь *существенные* условия. Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ существенными условиями гражданско-правового договора признаются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Как утверждает В. В. Витрянский, поскольку предметом всякого обязательства являются действия обязанной стороны (в двусторонних обязательствах – действия обязанных сторон), то предметом кредитного договора являются действия кредитора по предоставлению заемщику определенной денежной суммы в качестве кредита (обязательство на стороне кредитора) и действия заемщика по возврату полученной суммы кредита и уплате кредитору вознаграждения в виде процентов за пользование кредитом (обязательство на стороне заемщика)⁴. Конечно же, применительно к конкретному кредитному договору речь идет не об абстрактных действиях кредитора и заемщика, а о конкретных действиях обязанных сторон по предоставлению кредита, возврату полученной денежной суммы и уплате процентов за пользование кредитом. Таким образом, к существенным условиям кредитования, определяющим предмет договора, следует отнести следующие: сумма кредита; порядок и срок (сроки) его предоставления заемщику; срок и порядок возврата

¹ См.: Васильева Я. С. Уголовная ответственность за деяния, совершенные в сфере кредитных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 48.

² См.: Ларичев В. Д. Злоупотребления в сфере банковского кредитования. Методика их предупреждения. М., 1997. С. 62–63.

³ Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

⁴ См.: Витрянский В. В. Указ. соч. С. 87–88.

кредитору полученной суммы; размер процентов за пользование кредитом и порядок их уплаты заемщиком.

Что касается второй категории существенных условий договора (первая – условия, определяющие предмет договора), а именно, условий, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, то среди норм о кредитном договоре, содержащихся в ГК РФ (§ 2 гл. 42), какие-либо правила о таких существенных условиях кредитного договора отсутствуют.

Таким образом, под льготными условиями кредитования применительно к ч. 1 ст. 176 УК следует понимать, в частности, предоставление заемщику банком большей суммы кредита, уменьшенную процентную ставку за пользование кредитом, более длительный срок его возврата или выдачу кредита без обеспечения или при неполном обеспечении.

Анализ предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, показывает, что в качестве его объекта следует признать установленный нормативно-правовыми актами порядок получения кредита или льготных условий кредитования.

Незаконное получение кредита всегда поражает (по меньшей мере – ставит в опасность) права и законные интересы кредиторов. Поэтому в качестве дополнительного объекта выступают отношения собственности.

Важным для применения ст. 176 УК РФ также является определение субъектного состава кредитных правоотношений. Применительно к ч. 1 ст. 176 УК РФ субъектами кредитного договора с одной стороны выступает банк или иной кредитор (кредитор), с другой стороны – индивидуальный предприниматель или руководитель организации (заемщик).

Таким образом, по смыслу ч. 1 ст. 176 УК в качестве потерпевшей стороны могут выступать:

1. Банк.

Под банком в Законе «О банках и банковской деятельности» (ст. 1) понимается кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц; размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности; открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц. Под данное понятие подпадают:

а) Центральный банк России;

б) российские коммерческие банки;

в) филиалы и представительства иностранных банков, входящие, согласно ст. 2 Закона «О банках и банковской деятельности», в банковскую систему Российской Федерации.

2. Иной кредитор:

а) небанковская кредитная организация, под которой понимается организация, имеющая право осуществлять отдельные банковские операции, преду-

смотренные Законом «О банках и банковской деятельности». Допустимые сочетания банковских операций для небанковских кредитных организаций устанавливаются Банком России (финансовые и трастовые компании, инвестиционные фонды и другие учреждения);

б) иные юридические лица и физические лица, не имеющие специального разрешения (лицензии) на осуществление соответствующих банковских операций, предоставившие товарный или коммерческий кредит. Отсюда вытекает, что ст. 176 УК в полной мере может применяться в нередко встречающейся производственно-хозяйственной деятельности субъектов предпринимательства.

Объективная сторона преступления – внешнее выражение процесса преступного посягательства. Ее образуют признаки, характеризующие сам по себе акт волевого поведения человека: деяние, общественно опасные последствия, причинная связь между деянием и общественно опасными последствиями, способ, место, время, обстановка, орудия и средства совершения преступления.

Согласно анализу правоприменительной практики и прокурорского надзора за исполнением законодательства в кредитной сфере, незаконное получение кредитов предприниматели или лица, действующие под видом предпринимателей, осуществляют различными путями:

- создают фирмы, чаще всего, на подставных лиц, исключительно с целью получения кредита и его присвоения;
- заключают кредитные договоры на основании подложных документов, создающих видимость финансовой состоятельности (в частности, представляют ложные балансы), недостоверных бизнес-планов, технико-экономических обоснований предстоящих инвестиций за счет кредитных средств;
- фабрикуют подложные документы в обоснование кредитного запроса, договоры о якобы заключенных сделках;
- предоставляют в обеспечение возвратности кредита подложные или полученные неправомерным путем гарантийные письма или поручительства от имени солидных государственных либо коммерческих структур;
- предоставляют неполноценное либо ранее уже заложенное, а иногда и не принадлежащее им залоговое имущество;
- подкупают банковских работников для выдачи кредитов с нарушением экономических нормативов, требований обеспечения возвратности кредита и т. д.¹

Прежде чем перейти к юридическому анализу объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, следует отметить, что существенная модернизация «экономических» уголовно-правовых норм вызвала серьезные трудности и, как следствие, разногласия в толковании

¹ См.: *Викторов И., Миронов В.* Законность в кредитно-банковской сфере // *Законность.* 1998. № 2. С. 10–11.

норм гл. 22 УК РФ. Несовпадения в толковании объясняются не только появлением новых преступлений (не известных российскому уголовному праву вообще или праву советского периода), но и такой особенностью норм этой главы, как бланкетность. Б. В. Яценко указывает, что бланкетной признается диспозиция, которая непосредственно в самом уголовном законе не определяет признаков преступления, а отсылает для этого к другим законам или иным нормативным актам другой отрасли права¹. Проблема заключается в особенности изложения признаков преступления в бланкетных диспозициях. Признаки преступления описаны в таких диспозициях в обобщенной форме, неконкретизированно, что в свою очередь может породить неоднозначное толкование соответствующих норм уголовного закона, в том числе и ст. 176 УК РФ. Бланкетность исследуемых норм очевидна в силу того, что в них использованы бланкетные обобщающие признаки, «оснащенные» общеизвестным обозначением («незаконное получение государственного целевого кредита»).

Изучение публикаций, посвященных анализу статей, предусматривающих ответственность за преступления в сфере кредитных отношений, показало, что в ряд дискуссионных попал и вопрос о том, к нормативно-правовым актам какого уровня – только федерального либо иного – можно обращаться для уяснения смысла бланкетных признаков этих составов.

Так, к примеру, В. А. Егоров утверждает, что предметом уклонения от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации являются только федеральные налоги, а не налоги субъектов РФ и не местные налоги. При ином подходе, считает автор, нарушался бы принцип равенства граждан России об основаниях и пределах уголовной ответственности за совершенное преступление в зависимости от региона пребывания и деятельности субъекта².

Данная трактовка была поддержана профессором Б. В. Волженкиным. Он отмечает, что «бланкетные нормы... не могут иметь разное содержание в различных регионах страны. В противном случае круг преступного будет не одинаков в зависимости от региона, и преступность деяния будет определяться не только Уголовным кодексом и федеральным законодательством, а и региональным, что противоречит ст. 71 Конституции РФ, определившей, что уголовное законодательство (в отличие от административного) находится в исключительном ведении Российской Федерации»³.

По мнению И. В. Шишко, если продолжить мысль, высказанную данной группой авторов, то следует признать неприменимой ст. 176 УК РФ. Дело в том, что круг сведений, необходимых к предоставлению кредитной органи-

¹ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. С. 19.

² См.: Егоров В. Налоговые преступления и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1999. С. 7.

³ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (Экономические преступления). СПб., 2002. С. 484.

зации для получения кредита, определяется самими кредитными организациями (в локальных актах этих организаций) и, конечно, может быть не тождественен для заемщиков, заключающих договоры с разными кредиторами¹.

Здесь будет уместным отметить, что в литературе встречается указание на две цели формулирования бланкетных норм в Уголовном кодексе – обеспечить краткость изложения и стабильность уголовного закона². А. И. Бойцов, кроме того, указал, что бланкетность направлена либо на учет местных условий применения уголовного закона, либо на универсальные способы защиты общечеловеческих ценностей³.

Итак, ч. 1 ст. 176 УК РФ предусматривает ответственность за два вида преступных деяний.

Первый вид – получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита путем предоставления банку заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, если это деяние причинило крупный ущерб.

Таким образом, объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, включает в себя следующие признаки:

- действия, состоящие в получении индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии;
- последствия в виде причинения крупного ущерба;
- причинную связь между предоставлением заведомо ложных сведений, получением кредита и причинением крупного ущерба.

Одним из характерных примеров незаконного получения кредита может служить уголовное дело, которое рассматривалось в Ростовском районном суде Ярославской области.

Так, в декабре 2002 г. С., будучи руководителем организации ООО «Ростовский нектар», заключил кредитный договор с ОАО «Акционерный коммерческий сберегательный банк РФ» на получение кредита в сумме 1 200 000 руб. на финансирование производственных затрат. В целях обеспечения обязательств, возникших на основании данного кредитного договора, С. заключил договор залога недвижимости с вышеназванным банком. Предметом залога по данному договору явился принадлежащий ООО «Ростовский нектар» объект недвижимости – производственное кирпичное здание, на которое 12 сентября 2002 г. на основании исполнительного листа Арбитражного суда

¹ См.: *Шишко И. В.* Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 69.

² См.: Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1997. С. 58–59; *Пикуров Н. И.* Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией. М., 1998. С. 6; *Шутило О. В.* Законодательная техника при описании преступлений в сфере экономической деятельности. М., 1999. С. 328.

³ См.: *Бойцов А. И.* Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб., 1995. С. 35–36.

Ярославской области в целях обеспечения иска МСП «Киргизстан» был наложен арест. С., будучи руководителем организации, достоверно знал об этом, поскольку был предупрежден об уголовной ответственности по ч. 1 ст. 312 УК РФ за растрату, отчуждение, сокрытие или незаконную передачу имущества, подвергнутого описи или аресту. Получив кредит, ООО «Ростовский нектар» по 30 мая 2003 г. ежемесячно выплачивало проценты банку, однако после 30 мая выплаты прекратило. До времени рассмотрения дела в Ростовском районном суде, т. е. до 24 ноября 2006 г., кредитный договор не был погашен, в связи с чем отделению ОАО «Акционерный коммерческий сберегательный банк РФ» был причинен ущерб в сумме 1 200 000 руб. С. приговором Ростовского районного суда Ярославской области был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ¹ (в соответствии с Примечанием к ст. 169 УК РФ, действовавшим до вступления в силу Федерального закона от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ, крупным ущербом признавался ущерб в сумме, превышающей двести пятьдесят тысяч рублей. – *Н. Щ.*).

Способ совершения преступления является в данном случае юридически значимым и выражается в предоставлении банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении или финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации. Следует акцентировать внимание на том, что предоставляемые сведения должны быть именно «заведомо ложными», а не просто неправильными, т. е. лицо должно осознавать несоответствие этих сведений действительности.

Заведомая ложность сведений состоит в том, что в них осознанно не внесены верные или отражены неполные данные, искажающие смысл и содержание представленной информации, в результате чего кредитором сделаны неверные оценки относительно хозяйственного положения либо финансового состояния индивидуального предпринимателя или юридического лица². Кроме того, в нашем случае ложными должны быть сведения, которые получатель кредита обязан предоставить кредитору для запроса и дальнейшего получения кредита.

Существует мнение, что для вменения ст. 176 УК РФ не требуется, чтобы сведения были сообщены в документальной или иной письменной форме, достаточно устного сообщения³.

Нам сложно согласиться с данным утверждением. Документы, содержащие ложные сведения, должны иметь все необходимые реквизиты: они должны быть оформлены соответствующим образом и иметь хотя бы видимость достоверности, способную ввести кредитора в заблуждение. По нашему мнению, сведения, не имеющие должного оформления (устные и прочие

¹ См.: Архив Ростовского районного суда Ярославской области за 2007 г. Д. № 2-21.

² См.: *Ларичев В. Д.* Злоупотребления в сфере банковского кредитования. Методика их предупреждения. С. 58.

³ См., например: *Клепицкий И. А.* Система хозяйственных преступлений. С. 355–356.

официальные заверения), не могут расцениваться как признак данного состава преступления. Так, при рассмотрении уголовного дела о незаконном получении кредита было выявлено, что ООО «Адонис», руководителем которого является Ж., при заключении с Акционерным коммерческим Сберегательным банком РФ кредитного договора от 30 августа 2003 г. предоставило кредитному учреждению документы, содержащие заведомо ложные сведения о стоимости имущества, переданного в залог, на общую сумму 604 500 руб.¹

Ложные сведения могут вноситься в документы путем материального и интеллектуального подлога. Такими способами, по мнению А. А. Сапожкова, могут быть:

– внесение записей, не соответствующих действительности, в подлинный документ, при этом документ сохраняет признаки и реквизиты настоящего (изготавливается на соответствующем бланке, содержит фамилии и должности лиц, которые должны его подписывать, и т. п.), однако вносимые в него данные (текст, цифровые материалы и т. п.) являются ложными;

– изготовление (составление) полностью подложного документа, при этом подделывается весь документ, как по форме, так и по содержанию;

– изменение содержания подлинного документа путем уничтожения или исправления части текста, а также подделка подписи должностного лица, изменение даты выдачи документа, закрепление на документе оттиска поддельной печати и т. п.²

Для привлечения виновного к уголовной ответственности не имеет значения, каким способом ложные сведения были внесены в документы, в какой степени они не соответствуют действительности. Главное, чтобы такие ложные сведения имели существенное значение для принятия решения банком или иным кредитором о выдаче кредита.

Под предоставлением сведений следует понимать передачу соответствующей документации банку или иному кредитору любым способом: почтой, телеграфом, нарочным и т. п.

Как было сказано выше, решение банка-кредитора о предоставлении денежных средств должно приниматься на основе анализа хозяйственного положения и финансового состояния заемщика. Сведения о хозяйственном положении и финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, намеревающихся получить кредит, представляют собой пакет документов, который в соответствии с Письмом ЦБ РФ от 18 августа 1992 г. № 44 «О порядке приема и рассмотрения заявок на выдачу кредитов юридическим лицам» и нормативными документами Управления кредитования ЦБ РФ предоставляется в кредитно-финансовое учреждение одновременно с заявкой на получение кредита.

Вопрос о том, что следует считать «хозяйственным положением» и «финансовым состоянием», является дискуссионным. Так, Н. А. Лопашенко по-

¹ См.: Архив Каргапольского районного суда Курганской области за 2007 г. Д. № 2-14.

² См.: Сапожков А. А. Указ. соч. С. 68–69.

лагает, что подложное гарантийное обязательство, представленное с достоверными сведениями о заемщике, не может рассматриваться как характеризующее хозяйственное состояние или финансовое положение заемщика¹. Таково же мнение И. В. Шишко, утверждающей, что банковская гарантия и поручительство непосредственно на хозяйственное положение не указывают². Представляется более правильной позиция авторов, придерживающихся иной точки зрения. Так, И. Я. Козаченко и Я. С. Васильева пишут: «Если учесть, что сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии содержат данные, которые по действующим нормативно-правовым актам и сложившейся практике используются в процессе принятия решения о кредитовании и влияют на волю кредитора, то к ним вполне можно отнести и информацию об учреждениях и их участии в организации деятельности фирмы, а также документы, гарантирующие надлежащее исполнение обязательств»³. По мнению И. А. Клепицкого, создавая данную норму, законодатель хотел запретить обман относительно любых фактов экономической жизни, имеющих существенное значение при принятии решения о предоставлении кредита. Поэтому эти термины требуют широкого толкования⁴.

В. Д. Ларичев полагает, что хозяйственное положение – это совокупность данных, которые характеризуют производственную сторону деятельности: хозяйственно-правовой статус заемщика, его права и обязанности в экономических отношениях, фактические возможности и направления деятельности заемщика в экономической сфере. К заведомо ложным сведениям, касающимся хозяйственного положения клиента, он относит следующие:

а) неверные данные об учредителях, руководителях, акционерах, основных партнерах предприятия, связях;

б) фиктивные гарантийные письма, поручительства, предоставление в залог имущества, на которое нельзя обратить взыскание, несоответствующего объявленной стоимости или не являющегося собственностью залогодателя, и т. п.;

в) технико-экономическое обоснование, в котором неверно указаны основные направления использования кредита;

г) поддельные договоры и другие документы, свидетельствующие о фиктивной конкурентоспособности заемщика, его положении на рынке и т. п.;

д) поддельные договоры, платежные, транспортные и иные документы, касающиеся хозяйственной операции, на которую испрашивается кредит;

¹ См.: *Лопашенко Н. А.* Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел 8 УК РФ). М., 2006. С. 246.

² См.: *Горелик А. С., Шишко И. В., Хлупина Г. Н.* Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. С. 48.

³ *Козаченко И. Я., Васильева Я. С.* Уголовная ответственность за незаконное получение кредита // Российская юстиция. 1999. № 11. С. 35–36.

⁴ См.: *Клепицкий И. А.* Система хозяйственных преступлений. С. 354–355.

е) искаженные данные складского и бухгалтерского учета и др.¹

Финансовое состояние – это финансовые результаты деятельности заемщика. К заведомо ложным сведениям о финансовом состоянии относятся: сфальсифицированные бухгалтерские документы о регистрации в налоговой инспекции, в которых финансовое состояние представлено лучше, чем это имеет место в действительности; справки о дебиторской и кредиторской задолженности, о полученных кредитах и займах в других банках; выписки из расчетных и текущих счетов и др.²

Анализ судебно-следственной практики показывает, что чаще всего в банк поступают ложные сведения о хозяйственном положении предприятия.

Так, УВД г. Екатеринбурга было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 176 УК РФ в отношении Ч. Будучи генеральным директором ЗАО «Фишер», действуя в сговоре с главным бухгалтером организации, Ч. предоставил инспектору сектора кредитования юридических лиц Ленинского ОСБ № 11 г. Екатеринбурга документы, содержащие недостоверные сведения относительно величины рыночной стоимости оборудования, предоставляемого в обеспечение выплаты кредита³.

По мнению Я. С. Васильевой и А. А. Сапожкова, тот факт, что ложная информация чаще касается сведений о хозяйственном положении, не является случайным. Документы, характеризующие хозяйственную деятельность предприятия, проверить сложно. Такая проверка – достаточно трудоемкое дело, и банки не всегда проводят ее качественно. Значительно проще проверить информацию, отражающую финансовое состояние предприятия, например, бухгалтерский баланс, второй экземпляр которого находится в Инспекции Министерства РФ по налогам и сборам, или соответствие сведений, содержащихся в выписке из лицевого счета, реальному положению дел (для чего направляется запрос в банк, обслуживающий заемщика)⁴.

На основании предоставленных заведомо ложных сведений кредитор делает неверные выводы относительно хозяйственного и финансового положения заемщика и возможности возврата полученного кредита. В результате банк принимает решение о выдаче ссуды. Если бы заемщик предоставил правильные сведения, то банк, возможно, не выдал бы ее вообще, либо выдал в меньшем размере, либо увеличил процент по ссуде в связи с большим риском.

Следующий вид данного преступления, ответственность за которое также предусматривается ч. 1 ст. 176 УК, – получение льготных условий кредито-

¹ См.: Ларичев В. Д. Объективная сторона незаконного получения кредита // Законность. 1997. № 7. С. 10.

² См.: Ларичев В. Д. Злоупотребления в сфере банковского кредитования. Методика их предупреждения. С. 59.

³ См.: Обвинительное заключение по уголовному делу № 48108, находившемуся в производстве СЧ СУ при УВД г. Екатеринбурга в 2005 году.

⁴ См.: Васильева Я. С. Уголовная ответственность за деяния, совершенные в сфере кредитных отношений: дис. ... канд. юрид наук. С. 53; Сапожков А. А. Указ. соч. С. 73–74.

вания путем предоставления заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, если это деяние причинило крупный ущерб.

Условия кредитования, которые следует относить к льготным, мы подробно рассматривали выше (под льготными условиями кредитования следует понимать в основном предоставление заемщику банком большей суммы кредита, уменьшенную процентную ставку за пользование кредитом, более длительный срок его возврата или выдачу кредита без обеспечения или при неполном обеспечении).

Способ получения льготных условий кредитования аналогичен способу получения кредита – путем предоставления заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации. Однако здесь имеются определенные особенности.

Как отмечает Б. В. Яценко, при совершении преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, потенциальный заемщик «вводит кредитора в заблуждение относительно своего хозяйственного или финансового положения, представляя его в более выгодном свете, в результате чего добивается получения кредита или льготных условий кредитования»¹. В данном случае заемщик может получить больший размер кредита. Однако возможно получение льготных условий кредитования и путем предоставления своего хозяйственного или финансового состояния в худшем виде, чем оно есть на самом деле. Например, заемщик, получив кредит, предоставляет затем банку сфальсифицированные им документы о своем хозяйственном либо финансовом положении, фиксируя меньшую прибыль, плохое финансовое состояние и т. п. На основании этих документов заемщик показывает, что он не может вовремя погасить полученную ссуду и проценты по ней, и требует увеличения срока возврата кредита и уменьшения процентной ставки за полученную ссуду.

По конструкции состав преступления, предусмотренный ст. 176 УК РФ, – материальный. Для момента его окончания и привлечения лица к уголовной ответственности необходимо наступление указанных в диспозиции последствий, а именно – причинение крупного ущерба. Исходя из смысла диспозиции, ущерб может быть причинен банку или иному кредитору.

Следует отметить, что в первичном варианте данной нормы (УК РФ в редакции от 24 мая 1996 г.) понятие «крупный ущерб» являлось оценочным, т. е. не разъяснялось ни в одном правовом акте и толковалось правоприменителем, исходя из его субъективного восприятия, сообразуясь с так называемым «духом» закона, что вызывало определенные сложности на практике. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ в ст. 169 УК РФ было введено Примечание, в соответствии с которым крупным ущербом признавался ущерб, превышающий двести пятьдесят тысяч рублей.

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рагога. С. 442.

В настоящий момент, в соответствии с Примечанием к ст. 169 УК РФ, введенным в действие Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ, крупным ущербом признается ущерб, превышающий один миллион пятьсот тысяч рублей.

Таким образом, в соответствии с законом, речь идет лишь о материальном ущербе. Следует отметить, что вопрос, связанный с определением ущерба, причиненным в результате незаконного получения кредита, в следственно-судебной практике решается неоднозначно. Так, 26 октября 2004 г. К., будучи директором закрытого акционерного общества, согласно принятому в филиале ОАО «МДМ-Банк» порядку оформления и выдачи юридическим лицам кредитных ресурсов, желая создать у сотрудников банка ложное представление о фактическом хозяйственном положении ООО «ПромТехноСтрой», предоставил инспектору сектора кредитования юридических лиц документы, необходимые для оформления кредита, а именно, заполненную анкету заемщика и заявку, содержащие недостоверные сведения о хозяйственном положении ООО, а также поддельный договор купли-продажи имущества, представленного в обеспечение кредита. На основании данных документов «МДМ-Банк» выдал К. кредит на сумму 3 000 000 руб. на срок 12 месяцев под 17 % годовых. В установленный срок К. кредит не погасил, проценты не уплатил. Согласно обвинительному заключению, в результате преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, коммерческому банку был причинен ущерб в размере 3 000 000 руб.¹ В данном случае при установлении последствий совершенного деяния правоприменитель учел лишь реальный ущерб, исчисляемый с учетом утраченного имущества. Другой пример: Ш., являясь директором ООО Торговая компания «Квазар», с целью незаконного получения кредита заключил с ОАО «Уральский банк Сбербанка России» кредитный договор, предоставив при этом кредитной комиссии банка заведомо ложные сведения о хозяйственном положении организации. На основании заключенного договора банк выдал кредит на сумму 2 900 000 руб. сроком на 30 дней. Сумму кредита Ш. в установленный срок не вернул, причинив банку ущерб на сумму 3 012 447 руб.² В данном случае при установлении последствий совершенного деяния правоприменитель учел как реальный ущерб, так и ущерб в виде упущенной выгоды. Ввиду того, что последствия в виде причинения ущерба являются обязательным признаком анализируемого состава преступления, а также ввиду исчисляемости этих последствий (для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо, чтобы ущерб превышал двести пятьдесят тысяч рублей) и неоднозначного определения их на практике, считаем целесообразным акцентировать внимание на следующем. Применительно к ст. 176 УК РФ, равно как и ко всем статьям главы, преду-

¹ Обвинительное заключение по уголовному делу № 22006, находившемуся в производстве СЧ СУ при УВД г. Екатеринбурга в 2005 году.

² Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга за 2004 г. Д. № 1-46/01.

сматривающей ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, имеющие материальный состав (последствия в виде причинения крупного ущерба), ущерб следует рассматривать в двух аспектах: как реальный (исчисляемый с учетом утраченного имущества – невозврата кредитных средств), так и в виде упущенной выгоды (выражающийся в виде неполученных доходов – неуплаты процентов за пользование кредитом). Однако в результате совершения действий, предусмотренных ст. 176 УК РФ, помимо материального ущерба могут наступить и иные негативные последствия. Например такие, как банкротство предприятия-кредитора, нарушение режима его нормальной работы, включая срыв запланированных сделок, снижение финансового оборота, невозможность своевременно или в полном объеме выполнить налоговые и другие обязательства, выплатить заработную плату сотрудникам, необходимость произвести вынужденное сокращение штатов и т. п. Наступление этих и других подобных последствий выходит за рамки состава преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ.

В контексте данного исследования особое внимание следует уделить установлению причинной связи между деянием (незаконным получением кредита и льготных условий кредитования) и последствием в виде крупного ущерба. И. А. Клепицкий справедливо обращает внимание на сложную причинно-следственную связь. С одной стороны, предоставление заведомо ложных сведений о хозяйственном положении и финансовом состоянии должно быть существенным условием, повлиявшим на принятие решения о предоставлении кредита. С другой стороны, именно незаконное получение кредита должно причинить крупный ущерб. Таким образом, необходимо наличие причинной связи не только между предоставлением кредита и крупным ущербом, но и между обманом и крупным ущербом. Ущерб должен быть следствием именно незаконного получения кредита. Иначе состав преступления отсутствует¹.

Субъективная сторона также является элементом состава преступления как основания уголовной ответственности. Субъективная сторона – психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления. Она образует психологическое содержание преступления, поэтому является его внутренней (по отношению к объективной) стороной.

Относительно субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, также нет однозначного мнения. В частности, ряд авторов (Б. В. Яценко², Т. Ю. Погосян³) считают, что вина может быть выражена только в виде прямого умысла, т. е. лицо сознает, что получает кредит заведомо обманным путем, предвидит возможность причинения крупного ущерба и желает причинить данный ущерб.

¹ Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. С. 356.

² Уголовное право. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. С. 443.

³ Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселова. М., 2008. С. 349.

По мнению П. С. Яни, по отношению к ущербу, причиненному невозвратом кредита, умысел может быть только косвенным¹, т. е. лицо осознает общественную опасность действий и безразлично относится к возможности наступления последствий.

Я. С. Васильева считает, что субъективная сторона данного преступления может быть выражена как в форме прямого, так и в форме косвенного умысла².

Мы придерживаемся следующей точки зрения. Действительно, для преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, необходимо желание незаконно получить кредит. Но в качестве обязательного признака объективной стороны рассматриваемого состава выступают и общественно-опасные последствия (в виде причинения крупного ущерба). Наступления этих последствий субъект может и не желать, поскольку намерен исполнить обязательство – возратить полученную сумму и уплатить проценты за нее. По нашему мнению, желание виновного причинить ущерб должно изменить квалификацию содеянного на ст. 159 УК РФ. Намерение же лица исполнить обязательство исключает прямой умысел. Однако, предоставляя заведомо ложные сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии, лицо осознает общественную опасность своих действий и предвидит возможность наступления последствий в виде причинения ущерба. Поэтому вина в этом преступлении возможна как в виде косвенного умысла, так и в виде легкомыслия. При косвенном умысле лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения крупного ущерба, не желает, но сознательно допускает их либо относится к ним безразлично. При легкомыслии лицо предвидит возможность причинения крупного ущерба, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на его предотвращение.

Как свидетельствует анализ судебной практики, целью совершения общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 176 УК РФ, является обогащение виновного за счет использования незаконно полученных кредитных средств. Однако, исходя из содержания нормы, корыстная цель не является обязательным признаком анализируемого состава.

Субъект рассматриваемого преступления – специальный: в соответствии с законом им является индивидуальный предприниматель или руководитель организации.

Достаточно показательные примеры ошибок при решении вопроса о субъекте данного преступления содержатся в уголовных делах. Так, А. А. Сапожков в своем исследовании приводит следующую ситуацию. Следственным управлением ГУВД Краснодарского края расследовано уголовное дело в отношении директора ООО Торговый дом «Кубань» А. и главного

¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А. С. Михлина. М., 2005. С. 168.

² Васильева Я. С. Уголовная ответственность за деяния, совершенные в сфере кредитных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 15.

бухгалтера ООО С., которые в апреле 1997 г. заключили договор с филиалом «Краснодар» АКА Банк на предоставление кредита в сумме 1,5 миллиарда неденоминированных рублей сроком на три месяца под 55 % годовых. Одновременно между ООО и банком в обеспечение возврата кредита заключен договор залога имущества стоимостью 2 млрд руб. А. и С. в бухгалтерском балансе за 1996 г. и за 1 квартал 1997 г. умышленно завысили уставной капитал общества до 418 млн руб. вместо фактических 8 млн руб., а также представили к договору залога перечень товарно-материальных ценностей, реально ООО не принадлежащих. Введенный в заблуждение банк предоставил кредит, который не был возвращен. А. и С. было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 176 УК РФ, и уголовное дело с обвинительным заключением направлено в суд. В данном случае органы предварительного следствия неправомерно расширили круг субъектов преступления¹.

Индивидуальный предприниматель – это гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. В соответствии с п. 1 ст. 23 ГК РФ, лицо вправе заниматься предпринимательской деятельностью с момента государственной регистрации.

А. А. Сапожков отмечает, что термин «индивидуальный предприниматель» не охватывает глав крестьянских (фермерских) хозяйств, которые могут заниматься предпринимательской деятельностью (в том числе и получать ссуды) без приобретения статуса юридического лица или же индивидуально-го предпринимателя, но при этом обязаны пройти государственную регистрацию. Данное обстоятельство, по его мнению, является упущением закона, т. к. из поля действия анализируемой нормы уходит целый круг субъектов, которые могли бы считаться специальными субъектами этого преступления². На наш взгляд, толкование нормы, предусмотренной п. 2 ст. 23 ГК РФ, в которой сказано: «Глава крестьянского (фермерского) хозяйства, осуществляющего деятельность без образования юридического лица (статья 257), *признается предпринимателем* (курсив наш. – Н. Ш.) с момента государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства», позволяет сделать вывод относительно того, что эта категория субъектов предпринимательской деятельности подпадает под термин «индивидуальный предприниматель», используемый в диспозиции ч. 1 ст. 176 УК РФ, и может выступать в качестве субъекта данного преступления.

Возникает вопрос, можно ли привлечь к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 176 УК РФ лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без регистрации? Согласно п. 4 ст. 23 ГК РФ, «гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с нарушением требований п. 1 настоящей статьи, не вправе ссылаться в отношении заключенных им при этом сделок на то, что он не является пред-

¹ См.: Сапожков А. А. Указ. соч. С. 120–121.

² Там же. С. 120.

принимателем. Суд может применить к таким сделкам правила настоящего кодекса об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности». Но можно ли сослаться на данное положение при решении вопроса об уголовной ответственности?

Возможны и другие ситуации:

а) лицо, получившее свидетельство о регистрации путем предоставления поддельных документов, получает кредит на цели, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности;

б) лицо, фактически осуществляющее предпринимательскую деятельность через подставное лицо (например, безработного, который формально был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя), получает кредит на цели, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности.

Подпадают ли действия указанных лиц под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ? Представляется, что нет. Выход из данной ситуации мы видим в расширении круга субъектов анализируемого состава преступления. Следует отметить, что указанная проблема в теории уголовного права не является новой. В научной литературе высказываются как мнения в поддержку данной идеи, так и возражения. Анализ точек зрения свидетельствует о том, что ряд исследователей¹ отстаивают позицию о необходимости привлечения к уголовной ответственности за незаконное получение кредита и гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем и получающего так называемый потребительский кредит.

В поддержку данной точки зрения приводятся следующие доводы. В последние годы стало популярным кредитование той категории населения, которая не имеет в достаточном количестве свободных денежных средств для приобретения дорогостоящих вещей (например, автомобиля, бытовой техники и пр.) либо для решения иных бытовых проблем (лечения, учебы, ремонта квартиры и пр.). В борьбе за потенциальных заемщиков между кредиторами существует определенная конкуренция, которая чаще всего выражается:

- в предложении более выгодных условий кредитования (низкие проценты по кредитам, удобный график погашения кредита и т. п.);
- сокращении времени оформления кредита;
- упрощении процедуры оформления кредита;
- предоставлении последующих кредитов на льготных условиях и т. д.²

Мы поддерживаем точку зрения относительно признания субъектом незаконного получения кредита (ч. 1 ст. 176 УК РФ) физического лица, не яв-

¹ См., например: *Талан М. В.* Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: дис. ... д-ра. юрид. наук. Казань, 2002. *Финогенова О. В.* Уголовная ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. *Якоби С.* Указ. соч. С. 134.

² *Якоби С.* Указ. соч. С. 134.

ляющегося индивидуальным предпринимателем, и по следующей причине. Ситуация с потребительским кредитом обусловила резкий рост обманных действий со стороны заемщиков (предоставление заведомо ложных сведений о своем финансовом состоянии с целью получения кредита) и невозврата кредитов. В ряде случаев у правоприменителя имеются основания квалифицировать подобные действия как мошенничество по ст. 159 УК РФ. Так, Б. заключила кредитный договор с ЗАО «Дельта Банк» на сумму 150 000 руб. Для получения кредита Б. предоставила анкету, содержащую заведомо ложные сведения, а также фиктивную справку о своих доходах за последние 6 месяцев. Денежными средствами Б. распорядилась по своему усмотрению, взятых на себя обязательств по исполнению условий кредитного договора не выполнила, причинив ЗАО «Дельта Банк» ущерб в размере 150 000 руб. Органы предварительного расследования обоснованно квалифицировали действия Б. по ч. 1 ст. 159 УК РФ как мошенничество¹.

Однако изучение практики деятельности правоохранительных органов позволило выявить следующую проблему. Заемщик, получив обманным путем кредит на приобретение, допустим, автомобиля и, сделав три ежемесячных платежа, перестает выплачивать сумму по кредиту. В данной ситуации доказать, что лицо в момент предоставления заведомо ложных сведений о своем финансовом состоянии имело умысел, направленный на хищение денежных средств у банка, становится невозможно, а квалифицировать содеянное по ч. 1 ст. 176 УК РФ нельзя, поскольку применение данной нормы ограничено субъектным составом.

Как было отмечено, в качестве субъекта преступления выступает и руководитель организации. А. Я. Аснис, изучавший вопрос о руководителе организации при исследовании служебных преступлений, полагает, что руководитель организации – это физическое лицо, возглавляющее предприятие, учреждение, организацию, действующее от их имени без доверенности, назначенное или избранное в соответствии с законом и учредительными документами².

Это определение охватывает только «первых» руководителей и не позволяет решить проблему ответственности субъектов, которые формально не являются таковыми. Данный подход не учитывает специфику управленческой деятельности: первый руководитель не может и не должен лично заниматься всеми направлениями деятельности своей организации – он распределяет обязанности между подчиненными³.

Мы поддерживаем точку зрения Н. Егоровой, которая определяет руководителя организации как физическое лицо, являющееся: а) единоличным ис-

¹ Обвинительное заключение по уголовному делу № 935501, находившемуся в производстве СЧ СУ при УВД г. Екатеринбурга в 2006 году.

² Аснис А. Я. Служебное преступление: понятие и субъект. М., 2003. С. 109–110.

³ Цит. по: Егорова Н. Понятие «руководитель организации» в уголовном праве // Уголовное право. 2005. № 1. С. 19.

полнительным органом организации или его заместителем; б) руководителем коллегиального исполнительного органа организации или его заместителем; в) членом коллегиального исполнительного органа организации; г) иным лицом, которое на основании нормативного акта, учредительных документов, договора или специального поручения выполняет управленческие функции по всем, нескольким или отдельным направлениям или вопросам деятельности организации в целом¹.

Из данного определения вытекают следующие признаки руководителя:

1) руководитель уполномочен решать какой-либо вопрос (даже достаточной узкий, имеющий специальный характер) в интересах всей организации;

2) руководитель вправе выступать от имени организации в целом, а не отдельных ее структурных подразделений².

По мнению этого автора, ни один из подходов в понимании сущности руководителя организации нельзя считать удовлетворительным. Поэтому в литературе высказаны предложения об исключении из УК РФ рассматриваемого понятия с заменой его в соответствующих составах на более широкое понятие лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации³, либо без упоминания признаков специального субъекта, что позволило бы привлекать к ответственности любых лиц, представляющих интересы юридического лица⁴.

Так, следственной частью Следственного управления при УВД г. Екатеринбурга было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 176 УК РФ. ООО «Д» предоставило в один из коммерческих банков г. Екатеринбурга пакет документов для получения кредита. В результате проверки было установлено, что рыночная стоимость залогового имущества была завышена, представленные договоры на реализацию продукции оказались поддельными, а указанный в документах руководитель предприятия таковым юридически не является. Уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления⁵.

Приведенный пример лишний раз свидетельствует о том, что законодатель, признавая в качестве субъекта незаконного получения кредита «руководителя организации», создает идеальные условия для уклонения от уголовной ответственности.

Кроме того, как верно пишет И. А. Клепицкий, проблема заключается еще и в том, что руководитель не всегда может детально проверить все документы, предоставляемые в обоснование кредита. Даже если существует такая обязанность, ее неисполнение не может повлечь осуждение по ст. 176 УК РФ,

¹ См.: *Егорова Н.* Указ. соч. С. 20.

² Там же. С. 20.

³ См.: *Гордейчик С. А.* Преступления управленческого персонала коммерческих и иных организаций. Волгоград, 2000. С. 126.

⁴ См.: *Шишко И. В.* Указ. соч. С. 298–299.

⁵ Обвинительное заключение по уголовному делу № 34006, находившемуся в производстве СЧ СУ при УВД г. Екатеринбурга в 2003 году.

поскольку закон содержит указание на «заведомую» ложность сведений. Привлечь его к ответственности нельзя ввиду отсутствия «заведомости», а привлечь к ответственности действительных виновников невозможно, т. к. они не обладают признаками специального субъекта и не могут в силу ст. 34 УК РФ рассматриваться в качестве исполнителей преступления¹.

Учитывая вышесказанное, полагаем, что применительно к ч. 1 ст. 176 УК РФ перечисление субъектов ущербно. Считаем целесообразным расширить круг субъектов анализируемого состава преступления, исключив перечисленные субъекты из ч. 1 ст. 176 УК РФ.

Часть 2 ст. 176 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконное получение государственного целевого кредита, является сравнительно новой для российского уголовного законодательства.

В качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, следует выделить установленный нормативными правовыми актами порядок получения государственного целевого кредита и характер его использования.

К сожалению, термин «государственный целевой кредит» не получил своего легального толкования.

Ряд авторов (Н. А. Лопашенко², Б. В. Яценко³) считают, что под целевым государственным кредитом следует понимать ссуду в денежной или натуральной форме, выдаваемую Центральным банком РФ под конкретные целевые программы (например, под строительство жилья, под ликвидацию последствий стихийного бедствия).

А. Э. Жалинский расширяет данное понятие, относя к государственному целевому кредиту помимо денежных средств либо вещей, определенных родовыми признаками, также иные права и преимущества, включая налоговые отсрочки⁴.

На основании существующих точек зрения и анализа нормативно-правового материала можно сделать следующие обобщающие выводы. Во-первых, возможность *целевого* характера кредита предусмотрена ст. 814 ГК РФ, что влечет дополнительные права и обязанности кредитора и заемщика. В частности, кредитор приобретает право контроля за целевым использованием заемных средств, а заемщик обязан обеспечить возможность такого контроля. Однако контроль кредитора не должен выходить за рамки получения информации о том, на что был использован целевой кредит. Вмешательство кредитора в оперативно-хозяйственную деятельность заемщика, навязывание ему

¹ См.: Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. С. 359.

² См.: Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов, 1997. С. 102.

³ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рагога. С. 443.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постатейными материалами и судебной практикой / под ред. С. И. Никулина. М., 2001. С. 177.

конкретных способов и методов работы представляются недопустимыми, противоречащими общим принципам гражданского законодательства, закрепленным в ст. 1 ГК РФ. Следовательно, одним из признаков государственного целевого кредита является наличие обязанностей и дополнительных прав сторон обязательства, обусловленных целевым характером последнего.

Во-вторых, в ч. 2 ст. 176 УК РФ речь идет не обо всех видах целевого кредитования, а только лишь о *государственном*. Для уяснения смысла данного термина следует обратиться к Бюджетному кодексу Российской Федерации¹. Так, БК РФ в редакции, вступившей в силу с 1 января 2008 г., определяет бюджетный кредит как денежные средства, предоставляемые бюджетом субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию или юридическому лицу на основании договора, заключенного в соответствии с гражданским законодательством РФ, с учетом особенностей, установленных Бюджетным кодексом РФ и иными нормативными правовыми актами бюджетного законодательства РФ, на условиях и в пределах бюджетных ассигнований, на возвратной и возмездной основах². А в соответствии со ст. 6 БК РФ бюджетную систему Российской Федерации образует совокупность федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Однако в диспозиции ч. 2 ст. 176 УК РФ речь идет не о «бюджетном кредите», а о «государственном кредите», а поэтому к предмету анализируемого состава преступления, на наш взгляд, следует относить кредит, предоставляемый государством лишь за счет *средств федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов*.

Государственными кредитами по смыслу ч. 2 ст. 176 УК РФ не являются кредиты Центрального банка РФ и кредиты, предоставляемые за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации или муниципального образования РФ.

На основании указанных признаков и условий получения государственного целевого кредита попытаемся сформулировать следующее определение государственного целевого кредита.

Государственный целевой кредит – это кредит, предоставляемый государством за счет средств федерального бюджета Российской Федерации и государственных внебюджетных фондов субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям или юридическим лицам и гражданам для определенных целей, которые порождают право кредитора контролировать целевое использование заемных средств и обязанность заемщика обеспечить исполнение такого права. Эти цели могут быть следующие: реализация определенных экономических программ (конверсионных, инвестиционных, технического содействия), поддержка отдельных регионов или отраслей хозяйства (сельского, угольной промышленности), отдельных предприятий, новых форм

¹ Далее – БК РФ.

² См.: Ст. 6 и 93.2 Бюджетного кодекса РФ // Российская газета. 2007. 28 апреля. С. 9, 12.

хозяйствования (малый и средний бизнес, фермерство), создание рабочих мест, обустройство беженцев, индивидуальное жилищное строительство и т. п.

Государственная финансовая помощь и поддержка могут осуществляться и путем финансирования определенных затрат организаций (селективное санирование) или отраслей в целом, путем предоставления дотаций, субсидий, компенсаций. Такой вид финансирования носит строго целевой характер. Оно осуществляется непосредственно, путем выделения денежных сумм хозяйствующим субъектам. Вместе с тем государственное финансирование может производиться и опосредованно, через бюджеты субъектов РФ. Таким видом оказания централизованной финансовой помощи является выделение субвенций. По мнению А. А. Сапожкова, бюджетные дотации, субсидии, компенсации, субвенции могут быть предметами ч. 2 ст. 176 УК РФ, если их расценивать как кредитные средства, выделенные государством на конкретно определенные цели в соответствии с нормативными актами¹. Нам трудно согласиться с данным утверждением. Как уже отмечалось, дотации, субсидии, компенсации, субвенции объединяет то, что это – денежные средства, выдаваемые государством в *безвозвратном порядке*. Часть 2 ст. 176 УК РФ вменяется в ситуациях, когда лицо, незаконно получающее государственный целевой кредит, имеет намерение возратить полученные денежные средства со временем. В этом случае виновный стремится извлечь выгоду материального характера за счет лишь использования незаконно полученных кредитных средств. В случае же незаконного получения дотации, субсидии, компенсации или субвенции, поскольку они предоставляются в безвозвратном порядке, виновный стремится получить выгоду материального характера в результате обращения полученных денежных средств в свою пользу. В этой ситуации содеянное им надлежит квалифицировать по ст. 159 УК РФ как мошенничество.

Незаконное получение государственного целевого кредита как одно из действий, образующих объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, может быть выражено:

- а) в получении его лицом, в соответствии с законодательством не имеющим на это права;
- б) получении его с нарушением установленного порядка.

Так, условия и порядок предоставления бюджетного кредита субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию или юридическому лицу предусмотрен ст. 93.2 БК РФ. Согласно п. 5 ст. 93.2 БК РФ, обязательным условием предоставления бюджетного кредита юридическому лицу является проведение предварительной проверки финансового состояния юридического лица, его гаранта и поручителя. А, согласно п. 3 названной статьи, способами обеспечения исполнения обязательств по возврату кредита могут быть только банковские гарантии, поручительства, государственные

¹ Сапожков А. А. Указ. соч. С. 94.

или муниципальные гарантии, залог имущества в размере не менее 100 процентов предоставляемого кредита.

В частности, незаконность получения данного кредита имеет место в случаях умышленного нарушения лицом, получающим кредит, установленных правил, определяющих материально-правовые основания получения данного кредита применительно к категории лиц, которые его запрашивают, их хозяйственно-экономическому и социальному положению. Например, ссудозаемщик не имеет права на получение государственного кредита, но подделывает документы и получает кредит. В другом случае лицо, имеющее право на получение государственного целевого кредита, подделывает документы о своем хозяйственном либо финансовом положении, о результатах проведения конкурса (если кредит выдается на конкурсной основе) или документы, служащие обеспечением возврата кредита (залог, гарантии муниципальных органов и т. п.) с целью получения государственного кредита.

Эти действия могут быть связаны с обманом, подкупом, использованием халатности или ошибки должностного лица. В любом случае лицо должно осознавать тот факт, что получает кредит без необходимых оснований или в нарушение установленного порядка.

Второе действие, образующее объективную сторону рассматриваемого состава, – использование государственного целевого кредита не по прямому назначению.

Как было отмечено выше, государственный целевой кредит должен использоваться на строго определенные цели.

Под использованием такого кредита не по прямому назначению следует понимать действия, связанные с распоряжением полученными средствами на цели, не соответствующие условиям их получения, сформулированные в нормативных актах о предоставлении государственного кредита, а также кредитного договора. Эти действия могут выражаться в следующем: предоставление в виде коммерческих кредитов; размещение на депозитных счетах в других коммерческих банках; использование в качестве взносов в создаваемые коммерческие организации; раздача сотрудникам в виде беспроцентных ссуд; оплата учебы детей; приобретение квартир, автомашин; оплата поездки за рубеж; погашение банковских кредитов, уплата налогов; оплата аренды помещений и пр.

Следует отметить, что в соответствии со ст. 814 ГК РФ, если договор займа заключен с условием использования заемщиком полученных средств на определенные цели (целевой заем), заемщик обязан обеспечить возможность контроля за целевым использованием суммы займа. Проверка целевого использования бюджетного кредита осуществляется органами власти и местного самоуправления, обладающими соответствующими полномочиями.

По конструкции рассматриваемый состав, равно как и состав преступления, предусмотренный ч. 1, материальный. Однако в отличие от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, крупный ущерб может быть при-

чинен не только кредитору (государству), но и гражданам, организациям. На ч. 2 ст. 176 УК распространяется Примечание к ст. 169 УК РФ, в соответствии с которым крупным ущербом признается ущерб, превышающий один миллион пятьсот тысяч рублей.

Для признания названных действий преступными необходимо установить причинную связь выдачи государственного целевого кредита с причинением крупного ущерба гражданам, организациям или государству.

Субъективная сторона анализируемого преступления (равно как и преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ) также возможна как в виде косвенного умысла, так и в виде легкомыслия.

В отличие от диспозиции ч. 1 ст. 176 УК РФ, здесь субъект преступления определяется без указания на какие-либо специальные признаки. Поэтому, как верно отмечает В. Д. Ларичев, субъектом данного преступления могут быть, в зависимости от обстоятельств, представители субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, руководители организаций, иные лица¹.

Таким образом, в настоящем разделе работы произведен анализ объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 176 УК РФ.

С учетом выводов, полученных в процессе достижения целей исследования, предлагаем:

– **представить диспозицию нормы ч. 1 ст. 176 УК РФ в следующей редакции:**

«Статья 176. Незаконное получение кредита.

1. Получение кредита либо льготных условий кредитования путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии физического лица или организации, если это деяние причинило крупный ущерб,

– наказывается...»;

– **дополнить ст. 176 УК РФ примечанием следующего содержания:**

«Примечание. Под кредитом в части 1 настоящей статьи понимаются банковский, коммерческий, товарный кредит, иные виды займа».

По нашему мнению, норма в предложенной редакции позволит уйти от малоэффективного способа описания и вместе с тем сохранит весь комплекс общественно опасных посягательств на установленный нормативными правовыми актами порядок получения кредита.

¹ Ларичев В. Д. Злоупотребления в сфере банковского кредитования. Методика их предупреждения. С. 67.

§ 2. Особенности объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ

С момента вступления в действие УК РФ, т. е. с 1 января 1997 г., действия, связанные с неуплатой задолженности, могут быть квалифицированы по ст. 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности».

Характерным примером совершения данного преступления может служить уголовное дело, расследованное отделом дознания Верх-Исетского РУВД г. Екатеринбурга. Согласно обвинительному заключению, гражданин П., действуя в качестве индивидуального предпринимателя, 19 мая 2003 г. заключил договор займа с ООО «Сталь М» о предоставлении ему денежной суммы в размере 280 000 руб. Получив указанную сумму, П. использовал ее. После наступления срока возврата займа стал уклоняться от погашения задолженности, в связи с чем ООО «Сталь М» обратилось в суд о взыскании суммы задолженности. 5 сентября 2005 г. вступило в силу решение Верх-Исетского районного суда о взыскании в пользу ООО «Сталь М» задолженности по договору займа с П. Несмотря на решение суда, П. продолжал уклоняться от погашения задолженности. Не проживая по месту прописки, он на требования судебного пристава-исполнителя не реагировал. В это время он совершил сделку по отчуждению принадлежавшей ему автомашины. По мнению суда, П. имел постоянную работу и источник дохода, а, следовательно, реальную возможность погасить задолженность в крупном размере. Приговором Верх-Исетского районного суда П. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ¹.

По поводу объекта преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, единства мнений в науке не существует. Л. Д. Гаухман определил объект как:

а) альтернативный, представляющий совокупность общественных отношений, обеспечивающих интересы государственного бюджета в сфере государственного целевого кредитования, или общественные отношения, обеспечивающие экономическую деятельность в сфере распределения и собственности, или общественные отношения, обеспечивающие законное функционирование рынка ценных бумаг;

б) обязательный – общественные отношения, обеспечивающие интересы правосудия в сфере исполнения судебных актов².

А. Э. Жалинский, не называя непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, считает сферой ее применения исполнение судебных решений в области кредитно-денежных отношений между коммерческими и некоммерческими организациями, государственными органами и гражданами, когда применение гражданско-правовой ответственности является недостаточным³.

¹ Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга за 2006 г. Д. № 1-13/02.

² См.: Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. С. 463.

³ См.: Уголовное право России: учеб. для вузов. Т. 2. Особенная часть. М., 1998. С. 258.

И. В. Шишко под основным непосредственным объектом понимает общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения взыскания кредиторской задолженности; дополнительный объект – общественные отношения в сфере деятельности судебных приставов (судебных исполнителей) по исполнению судебных актов¹.

В связи с последним упомянутым обстоятельством Д. И. Аминов и В. П. Ревин само местоположение ст. 177 УК РФ в структуре глав и разделов УК РФ считают дискуссионным по той причине, что характер объекта посягательств в большей степени представлен как невыполнение требований, вытекающих из судебного акта, что больше соответствует родовому объекту преступлений, расположенных в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия», или непосредственному объекту преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта»².

По мнению А. А. Сапожкова, такая позиция вызывает возражения, т. к. упускаются из виду те лица, ради которых первоначально и появилась ст. 177 УК РФ и чьи интересы она должна защищать в первую очередь. Он считает, что объект преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ, может быть здесь только дополнительным непосредственным объектом³.

Мы согласны с мнениями И. В. Шишко и А. А. Сапожкова по причине полноты и комплексности предложенных определений объектов и считаем, что непосредственным основным объектом преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие выполнение обязательств, вытекающих из заключения кредитного или иного договора, оплаты ценных бумаг и иных действий, связанных с возмещением причиненного ущерба. Общественные отношения в сфере деятельности судебных приставов (судебных исполнителей) по исполнению судебных актов выступают в качестве непосредственного дополнительного объекта.

Предмет преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, – кредиторская задолженность в крупном размере и обязательство, закрепленное в ценной бумаге.

Применительно к предмету преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, следует отметить аналогичное многообразие мнений. В целях нашего исследования остановимся на некоторых из них.

В. Д. Ларичев и В. Ю. Абрамов считают, что кредиторская задолженность означает любые суммы задолженностей предприятия, организации либо частных лиц другим предприятиям, организациям, а также отдельным физическим лицам, что вытекает из «необходимости расширенного толкования кредиторской задолженности, возникающей не только как следствие невозврата

¹ См.: Горелик А. С., Шишко И. В., Хлутина Г. Н. Указ. соч. С. 55.

² Аминов Д. И., Ревин В. П. Преступность в банковской сфере в вопросах и ответах. М., 1997. С. 114.

³ Сапожков А. А. Указ. соч. С. 55.

щения ранее полученных кредитов, но и в результате любых взаиморасчетов между хозяйствующими субъектами»¹.

По мнению Б. В. Волженкина, «из положений гражданского законодательства можно заключить, что понятие кредиторской задолженности имеет отношение не только к кредитному договору... В широком смысле кредиторская задолженность образуется по любому договору при неисполнении должником обязанностей»².

Мы полностью согласны с мнениями названных ученых и считаем, что под кредиторской задолженностью следует понимать любой вид неисполненного обязательства должника (ст. 307 ГК РФ), включая денежные обязательства (ст. 317 ГК РФ). На признание кредиторской задолженности предметом преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, основание возникновения задолженности влияния не оказывает. Так, кредиторская задолженность может возникнуть, в частности, из неисполнения обязательства по договору займа, из причинения вреда и иных предусмотренных законом оснований, например, в результате уклонения от исполнения судебного решения о возмещении вреда здоровью, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия.

Кредиторская задолженность как предмет преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, включает в себя основную сумму долга, проценты по нему, а также, согласно ст. 319 ГК РФ, издержки кредитора по получению исполнения.

Закон устанавливает уголовную ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере, под которой, в соответствии с Примечанием к ст. 169 УК РФ, введенным Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ, следует понимать задолженность в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей.

В соответствии со ст. 142 ГК РФ, под ценной бумагой следует понимать документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении.

Согласно общепринятой точке зрения, задолженность по оплате ценных бумаг является частью кредиторской задолженности. Так, Р. Ф. Гарифуллина считает, что, в соответствии с грамматическим толкованием нормы, можно отнести уклонение от оплаты ценных бумаг к уклонению от погашения кредиторской задолженности³. А. А. Сапожков отмечает, что наличие имущественных прав владельца ценной бумаги на получение денежных средств (в

¹ Цит. по: Ларичев В. Д., Абрамов В. Ю. Проблемы совершенствования уголовного законодательства. М., 1998. С. 102.

² Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. С. 353.

³ См.: Гарифуллина Р. З. Ответственность за преступления в сфере кредитно-финансовых отношений // Российская юстиция. 1997. № 2. С. 36.

виде процентов, дивидендов или дисконта) означает, что у эмитента ценной бумаги возникает кредиторская задолженность перед держателем этой ценной бумаги. Кроме того, задолженность по выплатам по ценным бумагам отражается в пассиве бухгалтерского баланса как кредиторская задолженность. Таким образом, предмет злостного уклонения от оплаты ценных бумаг – деньги или иное имущество в сумме, равной стоимости неоплаченных ценных бумаг¹.

Следует акцентировать внимание на том, что закон не связывает уголовную ответственность за уклонение от оплаты ценных бумаг с крупным размером задолженности по ним (в отличие от прочих видов задолженности). Некоторые правоведы, тем не менее, придерживаются ограничительного толкования закона, утверждая, что и в этом случае (т. е. при задолженности по оплате ценных бумаг) размер задолженности должен быть крупным. В обоснование такой позиции приводится то обстоятельство, что задолженность по оплате ценных бумаг является частью кредиторской задолженности². Однако по мнению других, именно это обстоятельство свидетельствует в пользу того, что ответственность за уклонение от оплаты ценных бумаг наступает независимо от размера задолженности. В противном случае невозможно объяснить, с какой целью законодатель выделил из общего объема кредиторской задолженности ее особый вид – задолженность по оплате ценных бумаг. Поэтому закон в этой части следует толковать буквально³.

Таким образом, при злостном уклонении от оплаты ценных бумаг размер их денежного эквивалента во внимание не принимается. По мнению Я. С. Васильевой, это целесообразный подход законодателя, т. к. каждая ценная бумага должна быть реализована в соответствии с действующим законодательством независимо от ее денежного эквивалента. Любое отступление от этого правила подрывает рынок ценных бумаг⁴.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления заключается в злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта.

Так, согласно ст. 314 ГК РФ, в случаях, когда обязательство не предусматривает срок его исполнения и не содержит условий, позволяющих определить этот срок, оно должно быть исполнено в разумный срок после возникновения обязательства. Обязательство, не исполненное в разумный срок, должник обязан исполнить в семидневный срок со дня предъявления креди-

¹ См.: Сапожков А. А. Указ. соч. С. 57.

² См., например: Кобзев П. А. Квалификация преступлений, совершаемых в сфере финансово-кредитной деятельности путем обмана и (или) злоупотребления доверием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 21.

³ См.: Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. С. 363.

⁴ См.: Васильева Я. С. Уголовная ответственность за деяния, совершенные в сфере кредитных отношений: дис. ... канд. юрид наук. С. 86.

тором требования о его исполнении, если обязанность исполнения в другой срок не вытекает из закона, иных правовых актов, условий обязательства, обычаев делового оборота или существа обязательства.

Специальное правило установлено для случаев возврата займа. В соответствии со ст. 810 ГК РФ, если срок возврата договором не установлен или определен моментом востребования, сумма займа должна быть возвращена заемщиком в течение тридцати дней со дня предъявления заимодавцем требования об этом, если иное не предусмотрено договором. Существенным является правило, определяющее момент возврата займа. Сумма займа считается возвращенной в момент передачи ее заимодавцу или зачисления соответствующих средств на его банковский счет (п. 3 ст. 810 ГК РФ). Из данного правила вытекает, что списания денежных средств со счета заемщика по его распоряжению с целью их перечисления для погашения займа недостаточно для констатации исполнения заемщиком своего обязательства. Оно признается выполненным лишь с момента поступления суммы займа на счет заимодавца. Невыполнение указанных требований является основанием для обращения в суд и привлечения должника к гражданско-правовой ответственности (обязанности возместить убытки, включающие в себя расходы и неполученные доходы).

Уголовная ответственность по ст. 177 УК РФ возможна лишь при наличии соответствующих условий.

Во-первых, уголовную ответственность влечет уклонение от погашения задолженности только после вступления в силу судебного акта. В частности, в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации¹ такими судебными актами являются постановления суда первой инстанции, которые выносятся в форме решений (ст. 194); судебные приказы (ст. 121); постановления суда апелляционной инстанции, вынесенные в форме решения или определения (ст. 329); определения кассационной инстанции, которыми разрешается вопрос о правильности решений судов первой инстанции (ст. 366), и определения суда надзорной инстанции (ст. 388)². По действующему Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации³ постановление суда первой инстанции, судов апелляционной и кассационной инстанции, а также Высшего Арбитражного Суда РФ принимается в форме решения (ст. 167, 181)⁴. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации⁵ в случае гражданского иска в уголовном деле соответствующим судебным актом будет приговор (п. 28 ст. 5)⁶.

¹ Далее – ГПК РФ.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

³ Далее – АПК РФ.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁵ Далее – УПК РФ.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

К перечисленным документам не относятся судебные акты, которые разрешают процессуальные вопросы. Так, если должностное лицо оставляет без рассмотрения частное определение суда или представление судьи либо не принимает мер по устранению указанных в определении или представлении нарушений закона, в силу ст. 17.4 Кодекса об административных правонарушениях РФ наступает административная ответственность¹.

Поскольку основанием для обращения судебного акта к исполнению является вступление его в законную силу, установление момента вступления в законную силу судебного решения имеет важное значение.

В соответствии со ст. 180 АПК РФ, решение арбитражного суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении месячного срока со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба. В случае подачи апелляционной жалобы решение, если оно не отменено и не изменено, вступает в законную силу со дня принятия постановления арбитражного суда апелляционной инстанции. Решения Высшего арбитражного суда Российской Федерации вступают в законную силу немедленно после их принятия.

В соответствии со ст. 209 ГПК РФ, решение суда вступает в законную силу по истечении срока на апелляционное или кассационное обжалование, если оно не было обжаловано. В случае подачи апелляционной жалобы решение мирового судьи вступает в законную силу после рассмотрения районным судом этой жалобы, если обжалуемое решение суда не отменено. Если решением районного суда отменено или изменено решение мирового судьи и принято новое решение, оно вступает в законную силу немедленно. В случае подачи кассационной жалобы решение суда, если оно не отменено, вступает в законную силу после рассмотрения дела судом кассационной инстанции.

В соответствии со ст. 390 УПК РФ, приговор вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в апелляционном или кассационном порядке, если он не был обжалован сторонами. В случае обжалования или опротестования приговора он вступает в силу после вынесения кассационного определения при рассмотрении этого дела вышестоящим судом.

Необходимо акцентировать внимание на том, что основанное на законе оспаривание судебных решений, выдвижение встречных требований, подачу исковых заявлений нельзя рассматривать как уклонение от погашения кредиторской задолженности.

Другим обязательным условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ является злостный характер уклонения от погашения кредиторской задолженности. В законе не содержится определения термина «злостность». Отсутствуют соответствующие разъяснения и рекомендации вышестоящих судебных инстанций. Таким образом, злостность уклонения устанавливается правоприменителем и вызывает определенные трудности.

¹ См.: Уголовный закон в практике мирового судьи: науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. М., 2007. С. 562.

Существует несколько точек зрения на определение понятия «злостность».

С точки зрения Б. В. Яцеленко, уклонение считается злостным в случае непогашения кредиторской задолженности после вступления в законную силу решения суда, обязывающего заемщика возратить кредит¹. Аналогичной точки зрения придерживается Н. А. Лопашенко, которая считает, что уклонение является злостным, если наличествуют одновременно следующие условия: кредиторская задолженность не возмещается в крупном размере, а также принято и вступило в законную силу решение гражданского или арбитражного суда о ее погашении². С подобными точками зрения трудно согласиться, т. к. вступившее в законную силу решение суда признано законодателем в качестве самостоятельного условия наступления уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ.

И. В. Шишко предлагает использовать при толковании понятия «злостное уклонение» указания, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК РСФСР» от 19 марта 1969 г. В этом постановлении разъясняется, что вопрос о том, является ли уклонение от уплаты по решению суда злостным, должен решаться с учетом продолжительности и причин неуплаты и всех других обстоятельств дела. В частности указывается, что о злостности уклонения могут свидетельствовать его повторность, уклонение несмотря на соответствующие предупреждения, розыск лица ввиду сокрытия им места жительства и т. д.³

Еще одна точка зрения принадлежит К. Е. Ривкину, который утверждает, что о злостном характере действий виновного могут свидетельствовать представление после решения суда фиктивных документов о причинах непогашения кредиторской задолженности, сокрытие имущества и денежных ценностей, на которые может быть обращено взыскание, систематическая перемена должником места жительства, частая смена юридического и фактического адресов организации-ответчика⁴.

А. М. Плешаков считает, что при установлении злостности уклонения от погашения кредиторской задолженности суд должен учесть факты незаконного воздействия на кредитора со стороны должника⁵.

По мнению С. В. Максимова, о злостности уклонения должника от погашения кредиторской задолженности свидетельствует высказанный судебному исполнителю или кредитору открытый и дерзкий отказ от исполнения

¹ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. С. 443–444.

² См.: Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел 8 УК РФ). С. 393.

³ См.: Горелик А. С., Шишко И. В., Хлупина Г. Н. Указ. соч. С. 56.

⁴ См.: Ривкин К. Е. Законодательное регулирование финансово-кредитных отношений // Финансы и кредит. 1997. № 4. С. 88.

⁵ См.: Плешаков А. М. Преступные способы уклонения от погашения долга, мониторинг кредита и уголовная ответственность // Законодательство и экономика. 1997. № 5–6. С. 48.

вступившего в законную силу соответствующего судебного решения. Открытый отказ означает, что он выражен явно, устно или письменно; дерзкий отказ – отказ, сделанный в такой форме, которая демонстрирует непочтение и пренебрежение должника к состоявшемуся судебному решению¹.

В целях однозначного понимания уголовного закона П. А. Кобзев считает целесообразным вообще исключить из диспозиции ст. 177 УК РФ термин «злостное», сохранив его лишь в названии данной статьи. По его мнению, указанный в диспозиции термин «злостное» излишен, т. к. он в данном случае однотипен с термином «умышленное», а умышленная форма вины отражена в самом действии, которое определяется как «уклонение»².

Для разрешения данной проблемы следует обратиться к нормативно-правовым актам, регулирующим порядок исполнения судебных решений, а также практике обеспечения исполнения вступивших в законную силу судебных решений и возбуждения уголовных дел, связанных с уклонением от уплаты задолженности.

В соответствии со ст. 30 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»³ (вступил в силу 1 января 2008 г.), по факту вступившего в силу судебного акта по инициативе взыскателя судебным приставом-исполнителем может быть возбуждено исполнительное производство. В постановлении о возбуждении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель устанавливает срок для добровольного исполнения должником содержащихся в исполнительном документе требований, который не может превышать пяти дней со дня получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства. Одновременно судебный пристав-исполнитель в постановлении о возбуждении исполнительного производства предупреждает должника об уголовной ответственности за неисполнение судебного акта. В соответствии с ч. 4 ст. 113 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае невыполнения законных требований судебного пристава-исполнителя, иного нарушения законодательства Российской Федерации об исполнительном производстве при наличии в действиях лица признаков состава преступления судебный пристав-исполнитель вносит в соответствующие органы представление о привлечении указанного лица к уголовной ответственности.

Толкование ст. 113 Федерального закона «Об исполнительном производстве» 2007 г. позволяет заключить, что, по смыслу ст. 177 УК РФ, *злостность* уклонения может иметь место в случае неисполнения должником решения суда о погашении кредиторской задолженности или оплате ценных

¹ См.: Максимов С. В. Уклонение от погашения кредиторской задолженности // Уголовное право. 1998. № 2. С. 11.

² Кобзев П. А. Квалификация преступлений, совершаемых в сфере финансово-кредитной деятельности путем обмана и (или) злоупотребления доверием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 12, 21.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

бумаг после истечения установленного судебным приставом-исполнителем срока для добровольного исполнения судебного решения. При этом должник не представил судебному приставу-исполнителю доказательств того, что исполнение было невозможным вследствие непреодолимой силы, т. е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. Таким образом, злостность уклонения должна определяться правоприменителем на основании фактических данных, полученных в процессе исполнительного производства.

В этой связи термин «уклонение» можно определить как любое поведение лица, которое подтверждает его фактическое нежелание исполнить решение суда о погашении кредиторской задолженности или оплате ценных бумаг. Оно может осуществляться путем простого бездействия, когда лицо, несмотря на применение мер принудительного исполнения, предупреждения об уголовной ответственности и устанавливаемые сроки исполнения судебного решения, не реагирует на требования судебного пристава-исполнителя. Так, М. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ. В мотивировочной части приговора суд указал: «Несмотря на имеющуюся у М. возможность и наличие средств, он не исполнил решение суда...»¹.

Уклонение может также сопровождаться активными действиями должника (совершение им сделок по отчуждению имущества, осуществление наличных расчетов с другими партнерами или через другие расчетные счета с целью сокрытия своего истинного финансового положения, создание препятствий к обеспечению возможности взыскания кредиторской задолженности, незаконное воздействие на судебного исполнителя или взыскателя, попытка скрыться и т. п.). Так, П. с целью уклонения от погашения задолженности сменил место жительства, совершил сделку по отчуждению принадлежавшей ему автомашины². Таким образом, форма уклонения не имеет значения для квалификации. И в том, и в другом случае важно установить наличие реальной возможности должника исполнить обязательство. Отсутствие же реальной возможности погасить кредиторскую задолженность или оплатить ценные бумаги (например, вследствие непреодолимой силы или в результате действительного банкротства должника) исключает злостность уклонения и возможность привлечения лица к уголовной ответственности.

Анализ практики исполнительного производства позволил выявить еще одну проблему. Должники, пытаясь избежать уголовной ответственности, до истечения или после истечения установленного судебным приставом-исполнителем срока исполнения судебного решения погашают задолженность частично. В этих ситуациях, по мнению правоприменителя, отсутствует злостный характер уклонения и как следствие – основание для привлече-

¹ См.: Архив Фокинского городского суда Приморского края за 1999 г. Д. № 1-170.

² См.: Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга за 2006 г. Д. № 1-13/02.

ния лица к уголовной ответственности. На наш взгляд, вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности не должен зависеть от попыток должника частично погасить задолженность при условии, что должник имеет реальную возможность погасить задолженность полностью. Выход из данной ситуации мы видим в определении термина «уклонение» в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ, который будет сформулирован нами позже с учетом нижеизложенного.

Дискуссионным остается и вопрос, связанный с законодательной конструкцией объективной стороны анализируемого преступления. Правильное установление границ преступного деяния имеет важное значение: от него зависит определение стадий развития умышленного преступления (приготовление, покушение, оконченное преступление), решение вопроса о добровольном отказе, о соучастии в преступлении; связано оно и с институтом давности привлечения к уголовной ответственности¹. Следует отметить, что преступление, предусмотренное ст. 177 УК РФ, относится к категории длящихся. В обоснование данного вывода сошлемся на содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» (в редакции от 14 марта 1963 г.) определение, согласно которому «длящееся преступление можно определить как действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования. Длящееся преступление начинается с момента совершения преступного действия (бездействия) и кончается вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления (например, вмешательство органов власти)»². Пленум констатировал также, что «срок давности уголовного преследования в отношении длящихся преступлений исчисляется со времени их прекращения по воле или вопреки воле виновного (добровольное выполнение виновным своих обязанностей, явка с повинной, задержание органами власти и др.)»³.

Согласно общепринятой точке зрения, по конструкции рассматриваемый состав является формальным, т. е. для признания преступления оконченным не требуется фактического наступления вредных последствий⁴. Однако есть и другая точка зрения, которую следует привести. Так, П. Яни утверждает, что

¹ Цит. по: Сапожков А. А. Указ. соч. С. 142.

² Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 5–6.

³ Там же. С. 6.

⁴ См., например: Горелик А. С., Шишко И. В., Хлупина Г. Н. Указ. соч. С. 56; Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. С. 89; Васильева Я. С. Уголовная ответственность за деяния, совершенные в сфере кредитных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. С. 93.

состав анализируемого нами преступления является материальным. По его мнению, «...материальность обсуждаемого состава преступления, т. е. наличие в нем признака, характеризующего небезразличное для квалификации последствие, прямо вытекает из указания Кодекса на его исчисляемость...»¹ Далее П. Яни говорит, что прийти к подобному заключению можно, основываясь на содержащейся в законе количественной характеристике последствия: данное посягательство на экономические отношения признается преступным, если только оно совершается не менее чем в крупном размере, который определяется в УК РФ вполне конкретно². Аналогичной точки зрения придерживается И. Э. Звечаровский³. Действительно, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности расценивается как преступное только при крупном размере «невозврата», т. е. тогда, когда, согласно примечанию к ст. 169 УК РФ, задолженность превышает один миллион пятьсот тысяч рублей. Исключение составляет уклонение от оплаты ценных бумаг. Уголовно наказуемым такого рода деяние является безотносительно стоимости неоплаченных бумаг.

На наш взгляд, следует согласиться с тем, что преступление, предусмотренное ст. 177 УК РФ, относится к преступлениям с материальным составом. Устанавливая количество обязательных признаков объективной стороны преступлений, связанных с уклонением от уплаты обязательных платежей, к числу которых относится и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, можно сослаться на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления», где определяется, что «под уклонением от уплаты налогов и (или) сборов, ответственность за которое предусмотрена статьями 198 и 199 УК РФ, следует понимать умышленные деяния, направленные на их неуплату в крупном или особо крупном размере и *повлекшие* полное или частичное *непоступление* соответствующих налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации»⁴ (курсив наш. – Н. Щ.).

С учетом вышесказанного, основываясь на определении, данном Верховным Судом РФ, попытаемся сформулировать термин «уклонение» применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ. Под уклонением по смыслу ст. 177 УК РФ следует понимать умышленные деяния, направленные на непогашение задолженности или неоплату ценных бумаг, повлекшие полное или частичное непоступление соответствующих средств взыскателю. В качестве обязательного последствия анализируемого состава

¹ Яни П. Делящиеся преступления с материальным составом // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 40–41.

² Там же. С. 41.

³ См.: Звечаровский И. Момент окончания преступлений, связанных с уклонением от уплаты обязательных платежей // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 41–42.

⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 3.

преступления следует выделить такой результат бездействия лица, как ущерб, возникший в результате непогашения задолженности или неоплаты ценных бумаг. Данное определение термина «уклонение» позволит привлечь к уголовной ответственности и тех должников, которые, имея возможность погасить кредиторскую задолженность полностью, погашают ее частично.

Что же следует считать моментом окончания рассматриваемого преступления? По мнению И. Э. Звечаровского, ответ на данный вопрос очевиден: моментом окончания «длящегося» преступления с материальным составом следует считать наступление тех последствий и в те сроки, с которыми закон связывает уголовную ответственность. Момент окончания преступлений, связанных с уклонением от уплаты обязательных платежей, как правило, совпадает с днем, следующим за календарным, на который установлен срок их уплаты¹. Применительно к ст. 177 УК РФ речь идет об истечении назначенного судебным приставом-исполнителем срока исполнения судебного решения (поскольку именно с этого момента уклонение можно считать злостным). Однако истечение данного срока мы назовем не моментом окончания преступления, а моментом начала преступного состояния. Согласно разъяснениям, данным Верховным Судом СССР, моментом окончания анализируемого нами преступления (как длящегося) следует считать «...наступление событий, препятствующих совершению преступления...»², в частности задержание лица.

Субъективная сторона анализируемого состава преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. При прямом умысле лицо осознает, что уклоняется от погашения от кредиторской задолженности или оплаты ценных бумаг, предвидит возможность или неизбежность наступления последствий в виде причинения ущерба взыскателю и желает этого.

Мотивы преступления на квалификацию не влияют.

Субъектом преступления являются руководитель организации или гражданин, вменяемые, достигшие на момент совершения преступления 16 лет.

Понятие «гражданин», используемое в диспозиции нормы, предусматривающей ответственность за уклонение от погашения кредиторской задолженности, дает основание полагать, что субъектом преступления может выступать как частное лицо, так и индивидуальный предприниматель.

В целях унификации с ч. 1 ст. 176 УК РФ предлагаем исключить перечисление субъектов преступления из ст. 177 УК РФ.

С учетом выводов, полученных в процессе достижения целей исследования, предлагаем:

– **представить диспозицию нормы ст. 177 УК РФ в следующей редакции:**

¹ См.: Звечаровский И. Указ. соч. С. 42.

² Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. С. 6.

«Статья 177. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности.

Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта

– наказывается...»;

– **под уклонением по смыслу ст. 177 УК РФ понимать** умышленные деяния, направленные на непогашение задолженности или неоплату ценных бумаг, повлекшие полное или частичное непоступление соответствующих средств взыскателю. Злостность уклонения должна устанавливаться правоприменителем на основании фактических данных, полученных в процессе исполнительного производства. Уклонение следует считать злостным в том случае, если должник не исполняет вступившее в законную силу решение суда о погашении кредиторской задолженности или оплате ценных бумаг после истечения установленного судебным приставом-исполнителем срока для добровольного исполнения судебного решения при наличии реальной возможности его исполнить;

– в целях единообразного и правильного толкования используемых в диспозиции ст. 177 УК РФ терминов «уклонение» и «злостное», предлагаем внести их разъяснения в соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ.

§ 3. Квалификация незаконного получения кредита и злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности по совокупности с другими составами преступлений, их отличие от смежных составов

В процессе применения нормы права квалификация преступления занимает важнейшую часть, сводящуюся к отысканию той единственной нормы, которая точно соответствует признакам реально совершенного деяния, к принятию решения о применении данной нормы и изданию акта, закрепляющего это решение. Как отмечает Р. А. Сабитов, правильная квалификация уголовно-правовых деяний обеспечивает соблюдение принципов законности, вины, справедливости и гуманизма¹.

Правильная квалификация преступлений, в том числе, предусмотренных ст. 176 и 177 УК РФ, имеет важное юридическое значение:

а) она позволяет отграничить уголовно наказуемое деяние от иных правонарушений;

б) она является важной предпосылкой назначения законного и справедливого наказания, поскольку неправильная квалификация может повлечь на-

¹ См.: Сабитов Р. А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний. М., 2003. С. 7.

значение наказания по статье УК РФ с более строгой или менее строгой санкцией;

в) она служит основанием дифференциации условий отбывания наказания в виде лишения свободы в зависимости от категории совершенного преступления;

г) в зависимости от квалификации и категории совершенного преступления по-разному решаются вопросы, связанные с условно-досрочным освобождением от отбывания наказания, заменой наказания более мягким, истечением сроков давности, возможностью освобождения от уголовной ответственности, применением или неприменением амнистии;

д) она является предпосылкой правильного применения многих уголовно-процессуальных положений (о подсудности, подсудности, процессуальных сроках, видах мер пресечения и т. д.)¹.

Изолированное рассмотрение признаков составов анализируемых преступлений отнюдь не способствует разработке теоретических основ их квалификации.

В связи с этим, полагаем целесообразным рассмотрение вопросов применения норм, содержащихся в ст. 176 и 177 УК РФ, в сочетании с составами других преступлений, совершением которых могут сопровождаться анализируемые общественно опасные деяния. Речь пойдет о такой форме множественности, как совокупность преступлений, положения которой закреплены в ст. 17 УК РФ.

Нас интересуют вопросы реальной совокупности, под которой понимают случаи, когда виновный одновременно в результате различных самостоятельных деяний совершает два или более преступления, предусмотренных различными статьями Уголовного кодекса. Существенным признаком совокупности является то, что ни одно из входящих в нее преступлений не было еще предметом судебного разбирательства, и все они вменяются в вину лицу одновременно².

А. М. Яковлев различает два вида реальной совокупности:

1) реальную совокупность преступлений, связанных определенным образом одно с другим;

2) реальную совокупность, где преступления связаны между собой только фактом совершения их одним и тем же лицом³.

Совокупность преступлений второго вида характеризуется тем, что одно преступное деяние не обуславливает другого, они не связаны друг с другом

¹ См.: *Рарог А. И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М., 2006. С. 12–13.

² См.: *Кудрявцев В. Н.* Указ. соч. С. 244; *Дурманов Н. Д.* Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному законодательству // Социалистическая законность. 1937. № 8. С. 32; *Малков В. П.* Совокупность преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974. С. 194.

³ См.: *Яковлев А. М.* Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 82.

ни местом, ни временем посягательства. Как отмечал А. С. Никифоров, это «простая сумма преступлений»¹. Эти случаи совокупности не нуждаются в детальном анализе, поскольку не содержат каких-либо специфических особенностей и представляют собой своеобразную сумму преступлений, совершенных одним лицом. К тому же, как верно утверждает В. П. Малков, отграничение подобных видов реальной совокупности от единых сложных преступлений не вызывает затруднений в правоприменительной практике².

Незаконное получение кредита может быть сопряжено с предоставлением подложных документов официального характера. В этом случае возникает вопрос: требуется ли дополнительная квалификация по ст. 327 УК РФ (подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков) или ст. 292 УК РФ (должностной подлог)? Поскольку ч. 1 ст. 176 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное получение кредита путем *предоставления* документов, содержащих заведомо ложные сведения, в качестве способа действия, то вменение ч. 3 ст. 327 УК РФ, предусматривающей ответственность за *использование* заведомо подложного документа, исключается. По нашему мнению в данном случае возникает конкуренция «части» (ч. 3 ст. 327 УК РФ) и «целого» (ст. 176 УК РФ). Правило разрешения конкуренции данного вида заключается в том, что необходимо применять «целое», т. е. норму, наиболее полно охватывающую признаки содеянного. Однако в ситуации, если индивидуальный предприниматель или руководитель организации предварительно подделали официальный документ с целью последующего незаконного получения кредита или льготных условий кредитования, то их действия требуют дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 327 УК РФ. А если соответствующие документы были подделаны должностным лицом, то содеянное следует квалифицировать по совокупности ст. 292 и ст. 176 УК РФ.

Если незаконное получение кредита сопровождается подкупом лица, выполняющего управленческие функции в банке, кредитной или иной организации, действия индивидуального предпринимателя или руководителя организации, незаконно получающего кредит или льготные условия кредитования, надлежит квалифицировать по совокупности ст. 176 и ч. 1 ст. 204 УК РФ, а действия лица, выполняющего управленческие функции в организации, – по ч. 3 ст. 204 УК РФ.

В правоприменительной деятельности нередко приходится решать вопрос об отграничении друг от друга смежных составов преступлений. Смежные нормы характеризуются тем, что они отличаются по одному или нескольким признакам при совпадении остальных. Отличающийся признак имеет другое значение и не находится в соотношении части и целого либо общей или спе-

¹ См.: Никифоров А. С. Совокупность преступлений. М., 1965. С. 16.

² См.: Малков В. П. Указ. соч. С. 213.

циальной нормы¹. Далеко не все случаи незаконного получения кредита охватываются ст. 176 УК РФ. Значительное число деяний такого рода квалифицируется по ст. 159 УК РФ как мошенничество. Обобщение следственно-судебной практики показывает, что этот состав преступления используется значительно чаще, чем состав преступления, предусмотренный ст. 176 УК РФ. В этой связи заслуживает внимательного изучения вопрос, связанный с отграничением незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) от завладения кредитными средствами банка или иного кредитора путем мошенничества (ст. 159 УК РФ).

В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в тех случаях, когда лицо получает чужое имущество, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества, возник у лица до получения чужого имущества². Таким образом, как мошенничество (ст. 159 УК РФ) следует квалифицировать действия виновного, умыслом которого охватывается не только получение кредита либо льготных условий кредитования (при осознании незаконности совершаемых им действий), но и обращение в свою пользу полученных средств без намерения возвратить их (т. е. причинение ущерба). В момент совершения преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, умысел на безвозмездное изъятие чужого имущества у лица отсутствует.

Г. Н. Борзенков отмечает, что обманное получение банковского кредита можно квалифицировать как мошенничество, если материалами дела установлено не просто нецелевое использование заемных средств, а завладение ими с целью обращения в свою собственность³.

Кроме того, при незаконном получении кредита ложные сведения касаются только хозяйственного положения либо финансового состояния индивидуального предпринимателя или организации. При мошенничестве предоставляемые ложные сведения более многообразны: изготовление подложных уставов, регистрационных и иных документов, сообщение ложных сведений об участниках сделки и т. д. Однако, как верно отмечает А. А. Сапожков, при разграничении состава незаконного получения кредита от аналогичных действий при мошенничестве следует учитывать, что действия, характерные для незаконного получения кредита, могут быть способом хищения⁴.

¹ См.: *Сабанин С. Н., Фаткуллина М. Б.* Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие. Екатеринбург, 2005. С. 95.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 2.

³ См.: *Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г. Н. Борзенкова и д-ра юрид. наук, проф. В. С. Комиссарова.* М., 2002. Т. 3. С. 440.

⁴ *Сапожков А. А.* Указ. соч. С. 155.

Анализ существующих точек зрения позволяет заключить, что в определенных случаях, связанных с незаконным получением кредита, можно применить и ст. 165 УК РФ. Так, С. В. Максимов указывает, что поскольку законодатель не предусмотрел злоупотребление доверием в качестве самостоятельного способа незаконного получения кредита либо льготных условий кредитования, ответственность за такие действия должна наступать не по ст. 176 УК РФ, а по ст. 165 УК РФ¹. Авторы научно-практического комментария к УК РФ утверждают, что «если ущерб, причиненный незаконным получением кредита, крупным не является, то применяется ст. 165 УК РФ»². Кроме того, следует согласиться с высказанным предложением квалифицировать по ст. 165 УК РФ, а не по ст. 176 УК РФ незаконное получение кредита путем несообщения об ухудшении хозяйственного положения либо финансового состояния индивидуального предпринимателя или организации, если это деяние причинило крупный ущерб, поскольку для преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, пассивная форма обмана не предусмотрена³.

Рассматривая состав злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), также представляется целесообразным анализ его соотношения с другими нормами.

В том случае, когда способами уклонения от погашения кредиторской задолженности является обман или злоупотребление доверием, возникает необходимость разграничения данного состава преступления от состава причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ). В обоих составах объективная сторона представлена деянием, последствием в виде ущерба и причинно-следственной связью. Обман и злоупотребление доверием используются для исключения поступления во владение (фонды) собственника должного имущества, денег и т. п. При этом виновный уклоняется от передачи материальных благ, которые он обязан был передать. В результате таких действий собственнику причиняется ущерб в виде упущенной выгоды. По существу, в ст. 177 УК РФ предусматривается специальный вид причинения имущественного ущерба (ст. 165 УК РФ). В данном случае складывается ситуация, именуемая конкуренцией общей и специальной нормы. При данном виде конкуренции общая норма (ст. 165 УК РФ) представляет понятие обобщающего характера, включающее в себя множество случаев, а специальная норма (ст. 177 УК РФ) является всего лишь одним из таких случаев. При таком сравнении применяется специальная норма, т. е. ст. 177 УК РФ.

Случаи злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности могут сопровождаться оказанием воздействия на потерпевшего путем угрозы

¹ Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 98.

² Научно-практический комментарий к УК РФ / под ред. П. Н. Панченко. Н. Новгород, 1996. Т. 2. С. 443.

³ Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. М. Максимова. С. 421.

применения насилия либо уничтожения или повреждения его имущества или распространения сведений, позорящих потерпевшего и его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких. При этом должник требует от потерпевшего совершить какие-либо действия имущественного характера (например, отозвать исполнительный лист от судебного пристава-исполнителя). На наш взгляд, в этом случае в действиях лица содержатся признаки двух составов преступлений, и содеянное им надлежит квалифицировать по совокупности ст. 177 и 163 УК РФ.

Как специальный вид уклонения от погашения кредиторской задолженности следует рассматривать норму, предусматривающую ответственность за неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ). При наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ (в случаях, когда руководитель или учредитель юридического лица либо индивидуальный предприниматель с целью уклонения от погашения кредиторской задолженности скрывает имущество, передает имущество во владение иным лицам, отчуждает или уничтожает имущество и эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб), вменению подлежит ст. 195 УК РФ. Соккрытие, передача имущества во владение иным лицам, его отчуждение в данном случае следует рассматривать как способы уклонения. Однако в случаях преднамеренного банкротства (совершения руководителем организации или учредителем юридического лица либо индивидуальным предпринимателем действий, заведомо влекущих неспособность удовлетворить требования кредиторов), не исключается вменение и ст. 177 УК РФ.

Если в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска при рассмотрении уголовного дела, других имущественных взысканий имущество должника было подвергнуто описи или аресту, и должник с целью уклонения от погашения кредиторской задолженности растрачивает, отчуждает, скрывает или незаконно передает это имущество, то содеянное должно быть дополнительно квалифицировано по ст. 312 УК РФ (незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации).

Как частное и общее следует соотносить нормы ст. 177 и ст. 315 УК РФ, предусматривающей ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. Конкуренция этих норм возникает в связи с указанием в диспозициях названных статей на ненадлежащее поведение лица, а именно, неисполнение вступившего в законную силу судебного решения. Привлечение к ответственности по ст. 177 УК РФ возможно лишь в случае неисполнения решения суда относительно необходимости погашения кредиторской задолженности в крупном размере или оплаты ценных бумаг, в то время как ст. 315 УК РФ устанавливает ответственность за неисполнение судебного акта любого содержания. В то же время специальная норма рас-

ширяет пределы действия общей за счет включения в круг субъектов преступления физических лиц. Если служащий какой-либо организации злостно уклоняется от выполнения судебного акта о взыскании кредиторской задолженности, не достигшей крупного размера (кроме оплаты ценных бумаг), ответственность наступает по общей норме (ст. 315 УК РФ). Как показывает практика, при оценке собранных материалов дознаватели нередко «применяют» состав ст. 315 УК РФ, игнорируя ст. 177 УК РФ.¹

Таким образом, в данном параграфе разрешены вопросы соотношения составов преступлений, предусмотренных ст. 176 и 177 УК РФ, с другими составами.

Для наглядности рассмотренных соотношений представим их в виде следующих таблиц:

Номер статьи, от которой производится отграничение ст. 176 УК РФ	Признаки состава преступления, по которым производится отграничение
159	Объект – отношения собственности. Субъективная сторона – умысел направлен не только на получение кредита, льготных условий кредитования, государственного целевого кредита, но и на обращение полученных средств в свою пользу без намерения возратить их. Субъект – общий

Номер статьи, с которой возникает вопрос о квалификации ст. 176 УК РФ по совокупности	Возможность квалификации по совокупности
292	возможна
327 (ч. 1)	возможна
327 (ч. 3)	невозможна
204 (ч. 1)	возможна

Номер статьи, с которой возникает вопрос о квалификации ст. 177 УК РФ по совокупности	Возможность квалификации по совокупности
163	возможна
165	невозможна
195	невозможна
196	возможна
312	возможна
315	невозможна

¹ См.: Скобликов П. А. Проверка и разрешение заявлений о привлечении к ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: практические аспекты // Хозяйство и право. 2000. № 3. С. 61–72.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Γ ἰδὶ ἀοεάῖα ἀεοῦ

Конституция Российской Федерации (с поправками от 30 декабря 2008 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2009. – № 4. – Ст. 445.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

Бюджетный кодекс Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 86-ФЗ) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (в редакции Федерального закона от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) (в редакции Федерального закона от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 16. – Ст. 4532.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 1 июля 2010 г. № 147-ФЗ) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

Уголовный кодекс Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 1 июля 2010 г. № 147-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в редакции Федерального закона от 5 июля 2010 г. № 153-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (в редакции Федерального закона от 1 июля 2010 г. № 148-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. – 1990. – № 27. – Ст. 357.

О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (в редакции Федерального закона от 25 ноября 2009 г. № 281-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. № 28. – Ст. – 2790.

Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (в редакции Федерального закона от 17 декабря 2009 г. № 325-ФЗ) // СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в редакции Федерального закона от 22 апреля 2010 г. № 65-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

О судебных приставах: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (в редакции Федерального закона от 25 ноября 2009 г. № 267-ФЗ) // СЗ РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3590.

О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129 (в редакции Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 88-ФЗ) // СЗ РФ. – 2001. – № 33 (ч. 1). – Ст. 3431.

Гафос Илиас. Греческое уголовное право / Гафос Илиас // Современное зарубежное уголовное право. Т. 3 / под ред. А. А. Пионтковского. – М., 1961.

Гордейчик С. А. Преступления управленческого персонала коммерческих и иных организаций / С. А. Гордейчик. – Волгоград, 2000.

Горелик А. С. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях / А. С. Горелик, И. В. Шишко, Г. Н. Хлупина. – Красноярск, 1998.

Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2. Полутом 2 / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2000.

Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – Ч. 2. – М.: Статут, 2003.

Грюнхут. Английское уголовное право / Грюнхут // Современное зарубежное уголовное право. Т. 3 / под ред. А. А. Пионтковского. М., 1961.

Дмитриев-Крымский Г. Н. Современные банки и кредит в СССР и за границей / Г. Н. Дмитриев-Крымский. – М., 1924.

Ефимова Л. Г. Банковские сделки: право и практика / Л. Г. Ефимова. – М., 2002.

Змиев Б. Уголовное право. Часть Особенная / Б. Змиев. – Вып. 2. – Казань, 1925.

Карницкий Д. А. Уголовный кодекс РСФСР: постатейный комментарий / Д. А. Карницкий, Г. К. Рогинский, М. С. Строгович. – 2-е изд. – М., 1929.

Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений / И. А. Клепицкий. – М.: Статут, 2005.

Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постатейными материалами и судебной практикой / под ред. С. И. Никулина. – М., 2001.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – М.: Норма, 2008.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. – М., 1996.

Кондурушкин И. С. Частный капитал перед советским судом / И. С. Кондурушкин. – М.–Л., 1927.

Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2007.

Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М., 2001.

Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. проф. Н. Ф. Кузнецовой и доц. И. В. Тяжковой. – М., 2002.

Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3 / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г. Н. Борзенкова и д-ра юрид. наук, проф. В. С. Комиссарова. – М.: Зерцало, 2002.

Ларин Ю. Частный капитал в СССР / Ю. Ларин. – М.–Л., 1927.

Ларичев В. Д. Проблемы совершенствования уголовного законодательства / В. Д. Ларичев, В. Ю. Абрамов. – М., 1998.

Ларичев В. Д. Злоупотребления в сфере банковского кредитования. Методика их предупреждения / В. Д. Ларичев. – М., ЮрИнфоР, 1997.

Лимонов В. Н. Мошенничество. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика / В. Н. Лимонов. – М., 2000.

Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности / Н. А. Лопашенко. – Саратов, 1997.

Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел 8 УК РФ) / Н. А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2006.

Лохвицкий А. Курс Русского уголовного права / А. Лохвицкий. – СПб., 1871.

Максименко Н. Н. Мнимые архаизмы уголовного права «Русской правды» / Н. Н. Максименко. – СПб., 1905.

Малков В. П. Совокупность преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания) / В. П. Малков. – Казань, 1974.

Мунда Август. Уголовное право Югославии / А. Мунда. – М., 1995.

Научно-практический комментарий к УК РФ / под ред. П. Н. Панченко. – Н. Новгород, 1996. Т. 2.

Никифоров А. С. Совокупность преступлений / А. С. Никифоров. – М.: Юридическая литература, 1965.

Никифоров Б. С. Современное американское уголовное право / Б. С. Никифоров, Ф. М. Решетников. – М., 1990.

Новикова Н. А. Потребительский кредит: Актуальные вопросы, образцы документов / Н. А. Новикова, Н. В. Орлова. – М.: Юрайт-Издат, 2007.

Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г. П. Новоселов. – М., 2001.

Памятники Русского Права / под ред. проф. С. В. Юшкова. – Вып. 1. – М., 1952.

Памятники Русского права / под ред. проф. Л. В. Черепнина. – Вып. 4. – М., 1956.

Памятники Русского права / под ред. д-ра юрид. наук К. А. Софроненко. – М., 1957.

Пикуров Н. И. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией / Н. И. Пикуров. – М., 1998.

Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Т. 2. Особенная часть / А. А. Пионтковский. – М., 1928.

Полянский Н. Н. Уголовное право и уголовный суд в Англии / Н. Н. Полянский. – М., 1969.

Полянский Н. П. Хозяйственные преступления по новому Уголовному кодексу / Н. П. Полянский. – М., 1927.

Приложение к «Информационному бюллетеню» МПА государств – участников СНГ. – 1996. – № 10.

Примерный уголовный кодекс США: оригинальный проект Института американского права / под ред. Б. Е. Никифорова. – М., 1969.

Проект Уголовного уложения. Посягательства имущественные. Объяснения Редакционной комиссии. – СПб., 1887.

Пфеннингер Г. Ф. Швейцарское уголовное право / Г. Ф. Пфеннингер // Современное зарубежное уголовное право. Т. 2 / под ред. А. А. Пионтковского. – М., 1958.

Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений / А. И. Рарог. – М., 2006.

Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. – М., 2001.

Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира: справочник / Ф. М. Решетников. – М., 1993.

Рогов В. А. Уголовные наказания и репрессии в России / В. А. Рогов. – М., 1992.

Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под ред. О. И. Чистякова. – М., 1984.

Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под ред. О. И. Чистякова. – М., 1985.

Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты земских соборов. – М., 1985.

Российское уголовное право: Общая часть: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М.: Спарк, 1997.

Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия / Е. Е. Румянцева. – М.: ИНФРА – М, 2005.

Сабанин С. Н. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / С. Н. Сабанин, М. Б. Фаткуллина. – Екатеринбург, 2005.

Сабитов Р. А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний / Р. А. Сабитов. – М., 2003.

Сайто Кинсаку. Японское уголовное право / Сайто Кинсаку // Современное зарубежное уголовное право. Т. 1 / под ред. А. А. Пионтковского. – М., 1957.

Сапожков А. А. Кредитные преступления: Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности / А. А. Сапожков. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952. – М.: ГосЮрИздат, 1953.

Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства. – М., 1938.

Свод законов Российской империи. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Репринтное издание 1914 г. – Волгоград, 1995.

Скобликов П. А. Имущественные споры и криминал в современной России / П. А. Скобликов. – М.: Дело, 2001.

Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России / Ю. П. Титов. – М., 2000.

Токарев Е. А. Правовое регулирование кредитных денежных отношений, связанных с использованием векселей / Е. А. Токарев. – Томск: Томский гос. ун-т, 2003.

Тосунян Г. А. Банковское право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Г. А. Тосунян, А. Ю. Викулин, А. М. Экмалян; под общ. ред. акад. Б. Н. Топорина. – М., 1999.

Уголовное законодательство зарубежных стран: сборник законодательных актов / под ред. И. Д. Козочкина. – М., 1999.

Уголовное право буржуазных стран: сборник законодательных актов / под ред. А. Н. Игнатова, И. Д. Козочкина. – М., 1990.

Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. проф. А. И. Рарога. – М., 2006.

Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселова. – М.: Норма, 2008.

Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби; Проспект, 2007.

Уголовное право России: учеб. для вузов. Т. 2. Особенная часть. – М., 1998.

Уголовное право России. Часть Особенная: учеб. для вузов / отв. ред. проф. Л. Л. Кругликов. – М.: Волтерс Клувер, 2004.

Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А. С. Михлина. – М.: Юристъ, 2005.

Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова. – М. 1996.

Уголовное право США: сборник нормативных актов / под ред. И. Д. Козочкина. – М., 1986.

Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. – М., 1999.

Уголовное уложение. Проект Редакционной комиссии и объяснения к нему. – СПб., 1897. Т. VII.

Уголовный закон в практике мирового судьи: науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. – М.: Норма, 2007.

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

Уголовный кодекс Голландии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

Уголовный кодекс Грузии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

Уголовный кодекс Дании. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. – М., 1998.

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

Уголовный кодекс Латвийской Республики. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

Уголовный кодекс Республики Казахстан. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

Уголовный кодекс Республики Польша. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий. Хозяйственные преступления / под ред. М. И. Гернета и Л. Н. Трайнина. 3-е изд. – М., 1925.

Уголовный кодекс Украины. – СПб., 2001.

Уголовный кодекс Франции. – СПб., 2002.

Уголовный кодекс ФРГ. – М., 1996.

Уголовный кодекс Швейцарии. – СПб., 2001.

Уголовный кодекс Швеции. – СПб., 2001.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных Российской Империи 1845 г. – СПб., 1882.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. – Петербург: Изд. Н. С. Таганцев, 1901.

Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1871.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные / И. Я. Фойницкий. 5-е изд. – СПб., 1907.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1912.

Шишко И. В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности / И. В. Шишко. – СПб., 2004.

Шутило О. В. Законодательная техника при описании преступлений в сфере экономической деятельности / О. В. Шутило. – М., 1999.

Якоби С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений в сфере коммерческой банковской деятельности / С. Якоби. – М.: Камерон, 2004.

Яковлев А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву / А. М. Яковлев. – М., 1960.

Яни П. С. Экономические и служебные преступления / П. С. Яни. – М., 1997.

Яценко Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности / Б. В. Яценко // Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Рарога. – М.: Институт международного права и экономики; Триада. Лтд, 1996.

Àèññòàòèè, ààòíðàòàòòú àèññòàòèè

Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.

Ванцев В. А. Борьба с кредитными преступлениями: криминологические и уголовно-правовые проблемы: дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Ванцев. – М., 2001.

Васильева Я. С. Уголовная ответственность за деяния, совершенные в сфере кредитных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Я. С. Васильева. – Екатеринбург, 2000.

Васильева Я. С. Уголовная ответственность за деяния, совершенные в сфере кредитных отношений: дис. ... канд. юрид. наук / Я. С. Васильева. – Екатеринбург, 2000.

Егоров В. Налоговые преступления и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Егоров. – Самара, 1999.

Жеребцов А. П. Проблемы уголовной ответственности за нарушения порядка осуществления предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. П. Жеребцов. – Екатеринбург, 1998.

Зайцев А. В. Уголовная ответственность за преступления в финансово-кредитной сфере: дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Зайцев. – М., 2002.

Игошин А. В. Уголовно-правовые проблемы квалификации преступлений, связанных с банкротством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Игошин. – Екатеринбург, 2004.

Кобзев П. А. Квалификация преступлений, совершаемых в сфере финансово-кредитной деятельности путем обмана и (или) злоупотребления доверием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. А. Кобзев. – Н. Новгород, 2001.

Кобзев П. А. Квалификация преступлений, совершаемых в сфере финансово-кредитной деятельности путем обмана и (или) злоупотребления доверием: дис. ... канд. юрид. наук / П. А. Кобзев. – Н. Новгород, 2001.

Кутьин Н. Г. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями в кредитно-банковской сфере: дис. ... канд. юрид. наук / Н. Г. Кутьин. – М., 2001.

Маркизов Р. В. Ответственность за преступления в сфере кредитных отношений по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук / Р. В. Маркизов. – Казань, 2003.

Рачков С. А. Преступления в сфере кредитных отношений: дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Рачков. – Ростов н/Д, 2002.

Талан М. В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: дис. ... д-ра. юрид. наук. – Казань, 2002.

Финогенова О. В. Уголовная ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.

№ 10

Аминов Д. И. Охрана кредитно-банковских отношений / Д. И. Аминов // Законность. – 1999. – № 11.

Безверхов А. Развитие понятия мошенничества в отечественном праве / А. Безверхов // Уголовное право. – 2001. – № 4.

Викторов И. Законность в кредитно-банковской сфере / И. Викторов, В. Миронов // Законность. – 1998. – № 2.

Гарифуллина Р. З. Ответственность за преступления в сфере кредитно-финансовых отношений / Р. З. Гарифуллина // Российская юстиция. – 1997. – № 2.

Григорьев В. Предмет налоговых преступлений / В. Григорьев // Уголовное право. – 2004. – № 1.

Дурманов Н. Д. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному законодательству / Н. Д. Дурманов // Социалистическая законность. – 1937. – № 8.

Егорова Н. Понятие «руководитель организации» в уголовном праве / Н. Егорова // Уголовное право. – 2005. – № 1.

Звечаровский И. Момент окончания преступлений, связанных с уклонением от уплаты обязательных платежей / И. Звечаровский // Российская юстиция. – 1999. – № 9. – С. 41–42.

Клепицкий И. А. Кредитный обман в сравнительно-правовом аспекте / И. А. Клепицкий // Законодательство. – 2003. – № 1. – С. 41.

Козаченко И. Я. Уголовная ответственность за незаконное получение кредита / И. Я. Козаченко, Я. С. Васильева // Российская юстиция. – 1999. – № 11. – С. 35–36.

Козочкин И. Д. Реформа американского уголовного права / И. Д. Козочкин // Государство и право. – 1993. – № 9.

Кривенко Т. Квалификация посягательств на целевые бюджетные средства / Т. Кривенко, Э. Куранов // Законность. – 1997. – № 7.

Ларичев В. Д. Предложения по совершенствованию правовых мер борьбы со злоупотреблениями в кредитно-финансовой сфере / В. Д. Ларичев // Информационный бюллетень ассоциации российских банков. Приложение. – 1992. – № 2.

Ларичев В. Д. Объективная сторона незаконного получения кредита / В. Д. Ларичев // Законность. – 1997. – № 7.

Максимов С. В. Уклонение от погашения кредиторской задолженности / С. В. Максимов // Уголовное право. – 1998. – № 2.

Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ // Правоведение. – 1996. – № 1.

Плешаков А. М. Преступные способы уклонения от погашения долга, мониторинг кредита и уголовная ответственность / А. М. Плешаков // Законодательство и экономика. – 1997. – № 5–6.

Ривкин К. Е. Законодательное регулирование финансово-кредитных отношений / К. Е. Ривкин // Финансы и кредит. – 1997. – № 4.

Скобликов П. А. Проверка и разрешение заявлений о привлечении к ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: практические аспекты / П. А. Скобликов // Хозяйство и право. – 2000. – № 3.

Скобликов П. А. Уголовно-правовое обеспечение возвратности долгов в Российском законодательстве / П. А. Скобликов // Хозяйство и право. – 1999. – № 3.

Тюнин В. И. Преступления экономические в Уголовном уложении 1903 года / В. И. Тюнин // Журнал российского права. – 2000. – № 4.

Тюнин В. И. Экономические преступления в Уголовном уложении 1903 г. (к истории создания Уголовного уложения) / В. И. Тюнин // Правоведение. – 2000. – № 2.

Яни П. Длющиеся преступления с материальным составом / П. Яни // Российская юстиция. – 1999. – № 1.

Щетинина Наталья Валерьевна

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НЕЗАКОННОМУ ПОЛУЧЕНИЮ КРЕДИТА
И ЗЛОСТНОМУ УКЛОНЕНИЮ ОТ ПОГАШЕНИЯ
КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Монография

Редактура, компьютерная верстка *С. А. Коришиновой*

Подписано в печать 28.07.2010. Формат 60x84 1 /16
Печать трафаретная. Бумага офисная
Усл. печ. л. 6,0. Уч.-изд. л. 7,0
Тираж 54 экз. Заказ № 104

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел
Уральского юридического института МВД России

620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Копировально-множительное бюро УрЮИ МВД России